

Аргиллай

УКРАДЕННЫЙ ДОМ

Дмитрий Летер

16+

Дмитрий Легер
Аргилай. Украденный дом

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Легер Д.

Аргилай. Украденный дом / Д. Легер — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Дорогой путник, приветствую тебя в Хадоле! Самом большом северном королевстве континента, где веками уживаются люди, эльфы и гномы. Как у нас дела? В последнее время не очень. Паутина затянула колодцы, хлеб, как не меси - лишь кислый выходит, а молоко начало горчить. Все приметы говорят об одном: грядёт война. Но и без войны напастей хватает: то маги с Острова тайно пожалуют, то чужаки из воздуха возникнут. Загудит, затрещит, молнией шандарахнет, зеленый туман по полю заструится, и раз – явится голубчик; удивленный, растерянный. Такого сразу хватай и тащи сдавать за монету. А в соседней деревне вообще диво случилось: старосту разорвало, как перезревшую тыкву. Два дня от деревьев отскребали и по лесу кусочки разыскивали. Да что ты застыл на пороге? Ты заходи, не бойся! Жизнь у нас не легкая, но зато интересная: не соскучишься!

Содержание

Пролог.	6
Глава 1 – Аргилай.	11
Глава 2 – В путь.	27
Глава 3 – Арт-три.	37
Глава 4 – Слово.	47
Глава 5 – Работа.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дмитрий Легер
Аргилай. Украденный дом
Книга первая.

Пролог.

Яркое солнце грело совсем по-летнему. Однако в прогалинах между деревьев еще лежали остатки снега. Как обороненные улики, свидетельствовавшие о преступлениях прошедшей зимы. Студеная пора в этом году выдалась особенно суровой. В деревне умерло больше народу, чем за последние несколько лет. Старики поговаривали о конце света и пугали пришествием Владыки Бездны из земель, лежащих далеко на юге за Ваницианскими пустынями.

Впрочем, ничего нового. В свои неполные шестнадцать лет Йежи уже давно устал от этих разговоров и считал их не более чем стариковскими байками и нытьем о бесцельно прожитой жизни. Дескать, раньше все было лучше. Слышали уже, знаем. Не было раньше лучше. Не было! Все всегда оставалось так же. «Незыблемость традиций» – как с гордостью говорил староста. Кривые хибарки из подгнивающих бревен, работа в поле от зари до заката, кислый самогон из еловых шишек и непомерные налоги, что повышаются с каждым годом. Если когда-то и наступит конец света, то принесет его не какой-то сказочный Владыка Бездны, а обычный дурак сидящий на троне. И не с далекого юга, а свой собственный, местный, из Хадола. И его прихлебатели: заносчивые дворяне и зажавшиеся чиновники. Вот отчего ноют старики в бессильной злобе. Вот отчего спиваются работающие мужики. Нет в них воли, нет смелости, подняться с колен и изменить положение дел. Держаться за свои халупы, семью, чтут законы и придерживаются традиций. Нет в них крепкого стержня, вот и скулят в старости, когда приходит осознание о собственной загубленной жизни.

Йежи не из таких. И батя его был не из таких. Даже не смертном ложе, в лихорадке и кровавых соплях – ни разу не пожаловался. А лишь наставлял сына, учил, как и во все прежние годы напоминал – нужно служить Острову. Маги – последнее спасение Хадола.

Стук копыт в лесной тиши, юноша услышал раньше, чем увидел почтовую карету. Курьерская служба Бакарди всегда славилась своей пунктуальностью. И даже в такую глушь карета прибыла вовремя.

Йежи услужливо повернул ручку и открыл дверцу с гербом летучей мыши, одновременно подавая руку, как учил его отец. Разбитый, грязный деревенский тракт грозил стать серьезным испытанием для почтенного мага, рискнувшего приехать весной в приморский край.

Письмо они получили два месяца назад, зимой, когда отец был еще жив, но уже тяжело болен и прикован к постели. Остров Семи Башен сообщал точное время прибытия своего посланника, указания о порядке и месте встрече, а также подготовке, которую необходимо было осуществить заранее. Тогда все это легло на молодые, узкие плечи Йежи. Хотя и не вызвало особых проблем. Отец готовил себе приемника с детства. Брал на все задания, подробно объясняя все свои действия и возможные варианты развития событий. И когда пришло время – Йежи был ко всему готов. Хотя нет. Не совсем ко всему.

Маг оказался не почтенным стариком. Он вообще не был похож на мага. Высокий, статный, подтянутый и физически развитый мужчина в самом расцвете сил. Открытое лицо без бороды и одежда путешественника, делали его более похожим на наемника, чем на чародея. Волшебник легко прыгнул из кареты на разбитую дорогу, не испугавшись грязи и не приняв поданную руку.

– Ты кто такой, мальчик? – с легкой улыбкой спросил посланник Острова, широкой ладонью приглаживая короткие рыжие волосы. – Меня должен был встретить старый Михай.

Вот оно. Настал его час – понял Йежи. Сейчас нельзя ударить в грязь лицом, как в прямом, так и в переносном смысле. Остров не передавал полномочия по наследству, как делали короли в своих устаревших и прогнивших традициях. Доверенным лицом магов на континенте мог стать лишь достойнейший из людей. И сейчас юноше предстояло доказать, что он такой.

Он отставил правую ногу назад, приложил руку к сердцу и попытался низко поклониться, как учил отец. Однако нога предательски поехала, Йежи поскользнулся, и чуть было не растянулся в луже. Маг вовремя подхватил юношу под мышки, не дав тому упасть.

– Меня зовут Йежи, мэтр, – то краснея, то бледнея, представился парень. – Я сын Михея. Отец скончался зимой и велел мне выполнить задание Острова. Если Вы окажите мне эту честь, мэтр.

– А не слишком ли ты молод для доверенного Острова, – добродушно спросил маг, осматриваясь по сторонам.

– Отец готовил меня с детства. – поспешил заверить Йежи. – Не извольте сомневаться, мэтр, я полностью готов. Хотите проверить?

Парень снял со спины большой берестяной кузовок и откинул крышку.

– Перо, чернила, бумага в промасленной кожаной папке, – старательно начал перечислять Йежи, содержание своего багажа. – Карта местности. Отчеты за последние полгода. «Магический гонец» в защитном бронзовом ларце. Топор, нож, огниво, котелок, вода, вино, сыр, хлеб и... – юноша замялся.

– И? – саркастически поднял брови маг.

– Складной табурет и теплая подстилка. – с облегчением вспомнил Йежи, закончив перечисление.

– Молодец! – одобрил посланник Острова. – Но ты мне лучше скажи: знаешь, где Волчий холм?

– Знаю. – сделав серьезное лицо, ответил юноша. Волчий холм числился основным заданием письма. Как и все местные, Йежи с детства знал его месторасположение, и как все местные играл с друзьями на руинах, украшавших его вершину. Но несмотря на этот факт к поставленной задаче отнесся крайне ответственно. Обследовал окрестности холма, вычислил кратчайший и самый удобный путь к нему, с учетом размытости дорог весной. А также на всякий случай заготовил пару охапок хвороста в шаговой доступности от развалин. «Учти все возможные потребности господина» – учил его отец.

– Долго идти? – спросил маг.

– До обеда дойдем, мэтр. – поклонился парень.

– Тогда в путь!

Лесная тропинка скользила и хлюпала под ногами, но прогулка не доставляла затруднений. Йежи заранее позаботился о безопасности мага и заботливо закидал ветками самые опасные участки и присыпал глубокие лужи.

Весенний лес дышал пробуждающейся жизнью, звучал далеким перестуком дятлов и переливами пения птиц.

– Почему ты решил стать доверенным острова Семи Башен? – спросил маг, широко шагая своими длинными ногами. Дорогие кожаные ботфорты доверху перепачкались жидкой глиной.

– Остров Семи Башен является единственным гарантом справедливости, всеобщего блага, счастья, процветания и законности для всех жителей Хадола. – старательно проговаривая малознакомые слова, продекламировал Йежи строки, которые, среди прочих, заставлял выучить отец.

– Память у тебя хорошая, – похвалил посланник. – А сам что думаешь?

Йежи готовился к этому вопросу. Размышлял: действительно ли он хочет быть доверенным лицом Острова, как его отец или просто покорился воле родителя.

– Люди в нашей деревне пахут землю, охотятся. В соседней деревне есть шахта, где добывают железную руду на болоте. Все мы четко трудимся и платим десятину королю. Но что он дает нам взамен? Защиту? Закон? Образование? Медицину? У нас ничего этого нет. Приходится справляться самим. Мы прозябаем здесь. Живем в деревянных домах с земляной

крышей. И так продолжается веками. Три года назад отец отвез меня в Тильбон. Вот где жизнь – в столице. Каменные дома, аптеки, повсюду порядок и достаток. На рынках продают еду, названий которой я даже не знаю. Люди одеваются в разноцветные одежды и передвигаются на красивых лошадях. Там все очень богатые, а работают гораздо меньше, чем мы. У отца не хватило даже денег оплатить ночлег на постоялом дворе. Мы заночевали в парке, а утром стражники избили отца и прогнали нас. – юноша вздохнул. – Это неправильно. Остров учит, что у людей должен быть достаток равный их работе.

– Ты считаешь, что маги острова Семи Башен принесут в Хадол справедливость, если придут к власти? – уточнил посланник.

– Разве нет? – удивился Йежи. – Отец всегда учил меня этому.

– А что думает твоя мать?

– Мама умерла, – потупился юноша. – Когда я был маленьким. После смерти отца я остался один.

– Мне очень жаль. – сочувственно произнес маг.

Какое-то время шли в молчании, посланник погрузился в свои мысли. Йежи с интересом наблюдал, как белки, уже успевшие облачиться в свои летние рыжие шубки, ловко скачут с ветки на ветку.

– А ты понимаешь, какой ценой дается власть? – спросил маг. – Чтобы построить что-то новое, необходимо уничтожить старое.

– Лес рубят – щепки летят. – кивнул юноша, радуясь, что может удачно вернуть любимую фразу отца.

– И ты готов к гражданской войне? – удивился посланник. – Готов взять в руки оружие и убивать своих соседей, если они не согласятся с взглядами Острова?

– Конечно! – пылко промолвил Йежи и вновь прибег к помощи заученного материала. – Каждый, кто выступает против Острова – тормозит развитие и процветание мира. А значит должен либо осознать свою ошибку и присоединиться к нам, либо уйти с дороги прогресса и развития.

Маг ничего не сказал.

Юноша выдержал вежливую паузу и спросил:

– Это была проверка, да, мэтр?

– Что-то вроде. – уклончиво ответил посланник.

От некогда величественного сооружения на Волчьем холме сейчас осталась лишь одна стена со стрельчатыми окнами, замшелая лестница и каменная площадка, некогда бывшая, вероятно, большим залом дворца.

Посланник Острова пожелал остановиться здесь на время и Йежи быстро организовал все необходимое. Установил раскладной стул, достал теплый вязаный плед. Принес, заранее припасенный хворост, высек огнивом искру и запалил костерок. Через несколько минут перед магом стояло нагретое вино, нарезанный сыр и свежий хлеб.

Тот не притронулся к угощению, но воспользовался табуретом и уткнулся носом в какие-то древние рукописи, которые принес с собой.

Время шло, Йежи ждал, не смея беспокоить ученого человека, как наставлял отец. «У магов свои заботы у нас свои» – говорил он. «Каждый делает, что ему по силам для общего дела и не мешает другому».

– Мы ждем заката. – сказал посланник, отрываясь от своих бумаг. – Если сегодня ничего не выйдет, то вернемся сюда завтра в это же время. Быть может, придется провести здесь не одну неделю. Данные слишком неточны, трудно рассчитать день.

Йежи послушно кивнул, не пытаясь понять объяснения. Надо, значит надо. Он будет приводить мага на Волчий холм, сколько тому заблагорассудится. Инструкции, данные отцом

– это одобряли. Для всеобщей справедливости необходимо постараться. А если его возьмут доверенным лицом Острова, то и деньгами не обидят. У отца всегда водились деньги, и весьма большие для такой дыры. Жаль, что тратил отец все на выпивку.

Солнечный диск на чистом небе, коснулся верхушек обнаженных деревьев. В лесу заметно потемнело и похолодало. Поднялся ветер, терзая пламя небольшого костра и швыряя серую золу и горящие искры на штаны сидящего мага.

– Началось! – встрепенулся посланник и вскочил на ноги. Голубые глаза чародея лихо-радочно блестели. – Отойди в сторонку, мальчик. Я не знаю, что нас ждет.

Йежи послушно отошел в сторону и спрятался за старым каштаном. И вовремя. Посреди развалин, над каменной площадкой началось форменное светопреставление. Гудело, трещало, сверкали молнии, и клубился зеленоватый туман. Из своего укрытия юноша видел фигуру мага, подсвеченную вспышками магии. Тот стоял рядом с творившимся безобразием и чего-то ожидал. Грохнуло так, что заложило уши, а затем наступила тишина. Лишь ветер свистел в развалинах дворца и где-то далеко в лесу пел соловей.

Йежи собрал остатки разлетевшегося мужества и вылез из укрытия. На каменной площадке посланник теперь находился не один. Дыхание резко участилось. Парень понял кто перед ним. В инструкциях отца, полученных с острова Семи Башен подобному случаю отводился отдельный параграф. «Пункт первый: тварь из Бездны чрезвычайно опасна. Пункт два: в случае появления твари из Бездны – незамедлительно отправить Магического гонца на Остров. Пункт три: установить слежку за тварью из Бездны и не спускать с нее глаз до появления особой группы магов» – гласили указания.

– Осторожно, мэтр! – заголосил Йежи, бросаясь к своему берестяному коробу. – Это тварь из Бездны! Она опасна!

– Это человек. – не поворачиваясь, ответил маг. Он заворожено смотрел на существо, лежащее на каменной площадке.

– Это тварь из Бездны. – не согласился юноша, выбрасывая из короба топор, чернильницу, кожаную папку и прочие вещи, чтобы добраться до самого дна. Там лежал бронзовый ларец с «Магическим гонцом». Отец за всю свою жизнь так ни разу и не воспользовался им. – Я немедленно отправляю гонца. Нас спасут!

– Не смей! – грозно вскричал маг, поворачиваясь к Йежи. – Никто не должен узнать!

– Пункт четыре, – бормотал юноша, трясущимися руками извлекая позеленевший от времени ларец. – В случае противодействия с чьей-либо стороны, включая представителя Острова, в выполнении инструкции по взаимодействию с тварью из Бездны, немедленно отправить Магического гонца.

– Брось! – заорал маг, вскидывая руку в направлении Йежи.

Неведомая сила вырвала бронзовый ларец из рук юноши, отбросила в сторону, и тот заскакал вниз с холма по замшелым ступенькам. Приземлившись в грязную лужу, шкатулка остановилась. Крышка лежала рядом.

– О нет... – с ужасом прошептал посланник Острова.

Отец мог бы гордиться своим сыном. Несмотря на противодействие мага, Йежи все же успел выполнить указания инструкции. Ларец был открыт, из его недр в небо ударил пульсирующий луч яркого света. «Магический гонец» донес свое сообщение до острова Семи Башен и скоро сюда явится специальная группа магов.

Юноша встал и смело подошел к твари из Бездны, стараясь не спускать с нее глаз, как того требовала инструкция. Тварь лежала без движения, широко раскинув руки. Йежи не смог не заметить, что он с ней почти одного роста и вероятно одного возраста. Маг тоже заметил сходство. Парень прочитал это в его глазах и испугался.

– Мне жаль Йежи, что я не могу объяснить тебе все. – горько промолвил посланник Острова, вскидывая руки. – Но в одном ты прав: за лучший мир действительно стоит бороться.

Сирота закричал, когда сорвавшийся с пальцев мага, синий огонь охватил его тело. Обугленное до костей тело Йежи упало на каменную площадку, рядом с тварью из Бездны. Юноша не подвел ожидания своего покойного отца, но не смог стать доверенным лицом острова Семи Башен.

Глава 1 – Аргилай.

Он медленно шел, касаясь кончиками пальцев, влажных от росы, колосьев. Босые ступни глубоко зарывались в мокрую прохладную землю. Утренний ветер играл длинными непослушными волосами. Трепал белоснежную рубаху и такого же цвета штаны.

Вокруг расстиралось цветущее поле. Где-то далеко на горизонте первые лучи солнца пробивались из-за черных силуэтов деревьев.

Утренний воздух был студен и свеж. Человек вдыхал его полной грудью, зажмурившись от удовольствия. Каждый вдох дарил наслаждение.

Он смотрел вокруг и не мог налюбоваться. Казалось, в эти мгновения происходит рождение мира.

Человек поднял глаза к безоблачному чистому небосклону. Позади него еще были звезды, а впереди загорался рассвет.

На одинокой осине запел соловей. Прокричал ворон, прыгающий по пашне. Взвизгнула лесная свинка, бредя к ручью. Жизнь неотвратимо пробуждалась вокруг.

Человек шел по полю навстречу солнцу и ни о чем не думал.

Он наклонился к ручью и умылся. Набрал в ладони студеную воду и долго с наслаждением пил, пока не заломило зубы. Где-то рядом ухала сова и стучал дятел. Приятно пахло хвоей. Человек подошел к опушке леса.

Он вспоминал названия деревьев, по голосу узнавал животных и птиц. Каждое воспоминание отражалось улыбкой на молодом лице и дарило радость.

Подвернув белоснежные штанины, он зашел по щиколотку в ледяной ручей. Волна прохлады пробежала по телу. Человек счастливо засмеялся. А потом прыгнул в воде, подняв тучу брызг, и побежал по руслу ручья.

Крупные красные ягоды он собрал с небольшого куста в подол рубахи. Уютно устроившись под ближайшим деревом, отведал свою находку. Кислые ягоды слегка горчили, зато неплохо набили пустой желудок.

Сквозь листву падали теплые солнечные лучи. Мягкий мох у основания дерева мягким ковром покрывал почву. В кроне пел соловей. Уходить не хотелось, но нужно было идти дальше. Пришлось подняться и продолжить путь.

На поле, где недавно прошел человек, появились два высоких мужчины. Ломанные сплюснутые носы, крепкие руки с мозолистыми костяшками и ножи за голенищами сапог, прозрачно намекали, что незнакомцы явились сюда не пахоту.

– Ну и де он? – спросил один из них внимательно озираясь.

Второй сплюнул и махнул рукой:

– Припоздали мы – упорхнула птаха. Вон жито примято. В лес потопал.

– Едрить в грызло! – расстроено выругался первый. – Терь его по лесу шукать весь день.

– Не скули. Сам знаешь, что будет – коли не сыщем.

В ягодах человек явно не разобрался. Живот скрутило в узел боли. Человек упал на колени и долго извергал ягоды обратно. Встать сил не осталось. Он лег под раскидистые еловые лапы на плотный ковер из опавших иголок и уснул.

Мимо прошли две пары ног, обутое в кожаные сапоги. Из-за голенищ торчали рукояти ножей. Спящего под елкой юношу – не приметили.

Когда человек пробудился, вокруг стрекотали цикады. Солнечный диск опустился к верхушкам деревьев. В лесу неотвратимо наступал вечер. Состояние значительно улучшилось. Человек поднялся на ноги и продолжил свой путь.

Лес внезапно закончился невысокой плетеной изгородью. Человек легко перемахнул через нее.

Над кустами смородины столбом висела бледная мошкара. В воздухе отчетливо слышался запах дыма и навоза. Впереди появился бревенчатый покосившийся домик с крышей, покрытой дерном. Заливаясь громким лаем, из конуры выскочила собака. Пушистый загнутый хвостик метался из стороны в сторону. Человек радостно улыбнулся лохматому зверю и сел на корточки. В приветствии раскинул руки. Собака нерешительно остановилась, но продолжала лаять.

– Заткнись, Плут! – прикрикнул грубый мужской голос. На порог дома вышел неприветливого вида мужик в грязной длинной рубахе и без штанов. – Те чо надо?

Человек в белых одеждах встал и повернулся к незнакомцу. Пожал плечами.

– Кушать хочется.

– А ну вали! Не таверна. Самим жрать нечего. – проворчал незнакомец и угрожающе замахнулся деревянной лопатой. – Ща как врежу! Ходят ту всякие.

Человек в белых одеждах шел по деревне. Люди испуганно косились на него и переходили на другую сторону дороги. Ребенок бросил в человека камешек и убежал, сверкая грязными пятками.

– Друзья, – человек обратился к прохожим. – Где у вас таверна, не подскажите?

– Туды-туды. – махнула рукой старушка, ведя козу не веревочке, и поспешила прочь.

В вечерний час таверна была забита под завязку. Столы сдвинули к стенам, освобождая место для плясок. Играла флейта. В центре зала танцевали три пары.

Человек подсел на свободное место и неловко улыбнулся соседям по столу. Те коротко оглядели гостя и быстро потеряли к нему интерес.

– Пиво, самогон, компот из яблок, рагу из кролика, моченый горох, морковь в меду, кисель из ревеня. – безразличным тоном перечислила толстая женщина, вытирая грязные руки о не менее грязный фартук. – Что хочешь?

– Кушать. – кивнул человек в белых одеждах.

Толстуха нахмурилась и соизволила посмотреть на бестолкового гостя:

– Я ж те пояснила... – начала она, но осеклась, разглядев собеседника и, быстро ретировалась, скрывшись за дверь на кухню.

Человек недоуменно посмотрел вслед.

Захмелевшие посетители таверны хлопали в ладоши в такт игравшей музыке. Танцующие, уперев руки в бока, ловко отстукивали каблуками зажигательный ритм. Из кухонной двери выскользнул мальчишка. Пересек залу, ловко лавируя среди танцоров то и дело, с интересом оглядываясь на человека в белых одеждах. А затем зайцем вылетел на улицу.

– Вот жрачка. Бесплатно.

На потемневшие доски стола опустилась деревянная тарелка, полная разваренного гороха. Рядом, чуть пролив содержимое, встала глиняная чашка.

– Спасибо! – радостно поблагодарил гость.

Невысокий мужчина в фартуке, чуть нахмурившись, с любопытством рассматривал человека. Тот зачерпнул деревянной ложкой горох и отправил его в рот. Прожевал. Глаза слегка вылезли из орбит. Закашлялся.

Мужчина ухмыльнулся:

– Больно солоно? А ты запивай.

Гость сгреб со стола глиняную кружку и залпом выпил компот.

Входная дверь распахнулась. В таверну ввалился раскрасневшийся от бега и сильно запыхавшийся толстяк. Музыка замолкла, танцующие пары остановились. Новоприбывший осмотрел собравшихся посетителей в зале и, тяжело дыша, махнул рукой:

– Да все хорошо, – пролепетал он, держась за сердце и восстанавливая дыхание. – Пляшите.

Музыка возобновилась, люди вновь пустились в пляс. Отдышавшись, толстяк направился напрямик к человеку в белых одеждах. Быстро окинул взглядом пустую чашку и чуть тронутый горох на столе. Широко улыбнулся:

– Слава Создателю, ты нашелся! Весь день сегодня лес прочесывали. Все ноги стоптали. А ты, оказывается, уже в деревне.

– Простите, а мы знакомы? – смущенно спросил человек. – Я вас совсем не помню. Где я?

Толстяк сделал знак, чтобы сидевшие за столом подвинулись и примостил свои тяжелые булки на край лавки. Та страдальчески заскрипела и немного накренилась.

– Меня зовут Боров, я здешний староста. – представился он и еще раз заглянул в пустую глиняную чашку. – А деревня наша зовется Большое Дно. И ты тоже живешь здесь.

– А я... – человек примолк и закусил губу. – Простите, я не знаю, как меня зовут.

– Имя? Даже имя забыл. – посочувствовал Боров, сокрушенно качая головой. – Ты Лаи. Ударение на «а». Аргилай.

– Аргилай? – переспросил человек, получивший имя.

– Ага. Как кота местного. Сэр Аргилай Блохастый. – староста указал на откормленного кота, сидевшего на подоконнике. – Местные часто шутят на эту тему.

– Так себе шуточки. – поморщился Лаи, рассматривая пушистую тварь. – Вы сказали, что искали меня. Зачем?

Староста пристально посмотрел на собеседника:

– Ты как себя чувствуешь? В голове не шумит?

– Голоден, как волк. А так все отлично. – пожал плечами юноша.

Толстяк взял пустую кружку и понюхал.

– Штошш, – задумчиво протянул он, теребя нижнюю губу. – Предлагаю продолжить разговор у меня дома. А то еда тут у Шуки, откровенно говоря – дерьмо.

– Да, – кивнул Аргилай. – Именно! Я так и не смог понять это горох с солью или соль с горохом.

Толстяк и юноша в белых одеждах медленно шли через деревню. В окнах бревенчатых домиков мелькали огни. Во дворах раздавались приглушенные голоса. Из печных труб тянуло дымом, а из-за приоткрытых ставень аппетитно пахло едой. Боров заливался соловьем, рассказывая, как давно тут обосновалась деревня, какой чудесный у них край и каких резвых лошадей выращивают на местных фермах. Он говорил, о чем угодно, но только не о том, кто такой Аргилай и почему он ничего не помнит.

Дома кончились, стало темнее. Вокруг тянулся лес.

– Вы не в деревне живете? – удивился Лаи.

– Мой дом на окраине. – важно кивнул Боров. – Ежели волки нагрянут или люди, лихие какие, так я первый их встречу.

Аргилай испуганно оглянулся:

– Вы не слышали?

– Что такое? – забеспокоился толстяк.

– Мне показались шаги.

Боров остановился и подозрительно прислушался. Стрекотали цикады, где-то ухала сова, от легкого ночного ветерка в кронах чуть поскрипывали деревья в лесу.

– Чай померещилось. – немного неуверенно ответил староста. – Пошли, тут уже недалеко.

Небольшая бревенчатая хибарка появилась из темноты внезапно. Внутри горел свет и слышался разговор. Но разобрать слов не представлялось возможным. Боров гостеприимно отрыл перед гостем дверь. Лаи вошел. Дверь закрылась. Скрипнула щеколда.

Два рослых крепких мужика в кожаных сапогах, сидели за столом и ужинали жареной колбасой с пивом.

– Вот те раз, – удивленно промолвил один из них и медленно поднялся. – Пташка сама до нас долетела!

Аргилай затравленно огляделся, ища пути отступления. Маленькое помещение, стол, лавка, небольшой очаг и маленькое окошко. В углу навален какой-то хлам. Лаи не знал этих людей, но чувствовал опасность.

– Что значит «сама»? – возмутился Боров, и Лаи с трудом узнал его изменившийся от злости голос. – Я его через всю деревню тащил. За что я вам разрываю плачу?

– Остынь, Боров. – вступил в разговор второй мужик. Он вальяжно жевал колбасу. – Хочешь по лесам таскаться – найми охотников.

– Как бы самому тебе не остыть! – огрызнулся староста. – Поднимай свое гузно Сохатый и дуй на хутор, тащи хлопцев.

– Та на кой? – удивился здоровяк. – Сами сдюжим.

– Мне кажется это какая-то ошибка. – Лаи отступил к двери. – Я действительно никого из вас не знаю.

Боров преградил ему путь и грубо толкнул вглубь дома.

– Сядь в угол и заткнись, пока цел! – пригрозил староста, а потом повернулся к здоровяку. – Рыжую видели в деревне. Смекаешь на кой она тут?

Мужчина изменился в лице:

– Уразумел. Хлопцев приведу в два счета.

Когда Сохатый ушел в ночь и за ним закрыли дверь, Боров подошел к, сидевшему на полу, Аргилаю.

– Вот и пришло твое время, горемыка. – с притворным сочувствием сказал он, и повернулся к своему головорезу. – Хрип, займись нашим приبلудой.

– Горе, что не девка. – посетовал здоровяк, вставая с лавки и с хрустом разминая кулаки. – Хей, Боров, памятуешь экая в тот раз пташка попалась?

– Кончай болтать, – проворчал староста, наливая себе пива и отрезая кусок колбасы. – Времени в обрез.

Облокотившись на стену, Лаи медленно поднялся и встал перед подошедшим к нему мужчиной. Юноша с трудом доставал тому до подбородка и был раза в полтора уже в плечах.

– Ну шо дивишься, пташка? – нагло ухмыляясь спросил Хрип. – Раздевайся.

– Ах, вот в чем дело! – понял юноша. Он вытянул перед собой руку и помахал указательным пальцем. – Не-не-не-не, я, конечно ничего не помню о себе, но в одном я точно уверен. Я не голубок.

– Да шо ты мне кочан мутишь? – разозлился мужчина. – Сымай говорю портки и рубаху!

– Мало ли куда он мог цацку спрятать. – указал колбасой Боров. – Проверь все его дырки.

– Какие еще дырки!? – переполошился юноша и попытался ускользнуть от надвигающегося на него Хрипа.

– Больно резвый. – удивился мужчина. – Щука его компотом не попотчевал?

– Пес его знает, – с набитым ртом ответил толстяк. – Вроде напоил.

Аргилай шагнул в сторону окна.

– Куды!? – воскликнул Хрип и схватил Лаи за горловину рубахи.

Юноша дернулся в другую сторону. Раздался треск рвущейся ткани. Два куска белой рубахи остались в руках у нападающего.

– Вот она! – закричал староста, и его колбаска задрожала на весу. – Хватай!

На худой обнаженной груди, на тоненькой цепочке висел медальон. Маленький прозрачный камешек, искусно ограненный в виде капли воды. Лаи невольно залюбовался своим украшением. Раньше он не замечал его.

– Боров, – раздался звонкий женский голос с улицы и в дверь сильно постучали. – Я знаю, что ты здесь! Открывай!

Боров отложил колбасу и, понизив голос, зло прошептал:

– Хрип, скажи ей, что меня нет. Тяни время.

Здоровяк отбросил остатки рубахи и подошел к двери. Приложил ухо, послушал. Потом тихонечко и слегка пискляво ответил:

– Нема тут никого.

– Идиот! – простонал староста, прикрыв ладонью глаза.

Дверь затряслась от мощного удара. Щеколда предательски затрещала, грозясь вылететь из косяка.

– Думаешь, эта дверь нас удержит!? – прозвучал звенящий сталью голос незнакомки на улице. – Я следила за тобой от таверны. Верни наши деньги или наших лошадей! Старый мерзкий жиробас!

– У меня просто кость широкая. – обиделся Боров и, с трудом нагнувшись, над круглым животом, выудил старый арбалет из хлама в углу.

Новый удар в дверь. Косяк пересекла большая трещина.

– Ну-ка посторонись. – прокряхтел староста, натягивая арбалет и заряжая в него стрелу с широким наконечником.

Хрип достал из-за голенища сапога увесистый нож и схоронился слева от двери.

С громким хрустом дверь выломалась из косяка и упала на пол внутри хибары. В дверном проеме возникли трое. Впереди: длинная и поджарая зрелая женщина с рыжими волосами чуть выше плеч. За ней двое мужчин. Один в возрасте и с глубокими залысинами. Второй – мускулистый крепкий бородач в кожаном фартуке.

Стоявший возле стола Боров, поднял арбалет и нажал на спусковой рычаг. Одновременно с этим Аргилай со всей силы пнул стол и прокричал:

– Осторожно слева!

Стол ударил старосту в бедро, сбивая прицел. Стрела с громким стуком воткнулась в косяк двери возле рыжей головы женщины.

– То есть справа. – спохватился юноша. – Слева это относительно меня.

Хрип выпрыгнул из своего укрытия и нанес удар ножом. Женщина успела уклониться, а вот бородачу досталось в плечо. Из руки брызнула кровь. В следующий момент, рыжая сделала шаг в сторону нападавшего и молниеносным ударом кулака отправила здоровяка на пол. Нож отлетел в угол. Трое вошли в дом.

– Боров, ты совсем ополоумел? – потрясенно проговорил лысеющий худой мужчина, оглядывая картину скоротечного боя. – Я до конца не хотел верить, что ты похитил табун. Думал – ошибка случилась и сейчас во всем разберемся.

– Разуй глаза, Копыто. – проворчала рыжая. – Боров сколотил банду и грабит, ворует, беспредельничает и, – светло-голубые глаза женщины внимательно осмотрели полуголого юношу. – Походу он голубок.

– Боров, объяснись! – потребовал тот, кого назвали Копыто.

– Засунь себе свои объяснения, знаешь куда. – зло выплюнул староста. Он прекрасно видел, что позади троицы во тьме дверного проема к дому двигается дюжина факелов. – Вы понятия не имеете во что ввязались!

– Во дворе! – предупредил Лаи.

– Живыми вам не уйти. – засмеялся толстяк.

Факелы разом ускорились.

Раненый бородач в кожаном фартуке схватил дверь, поставил ее на место и подпер могучей спиной. Очень вовремя. Снаружи на дверь навалились, пытаясь ее выдавить.

– Бегите! Я задержу их, сколько смогу. – прокряхтел мужчина, напрягая бугры мышц и сдерживая толпу за дверью.

Рыжая подскочила к старосте, схватила руками за горло и ударом его головы выбила единственное в хибаре окошко.

– Бежим!

Аргилай несся, не разбирая дороги, сквозь непроглядную тьму в сторону деревни. Ночной воздух охлаждал обнаженный торс. Юноша прыгал через ограды, пробегал по чьим-то грядкам, оббегал дома.

Вдалеке слышался зычный голос Борова. Видимо, староста быстро пришел в себя после удара.

– Найдите их!

Лаи припустил еще быстрее. Впереди показались силуэты людей с факелами. Похоже, он заблудился в темноте и, пробежав круг, вернулся к хибаре. Факелы приближались. Юноша вжался в бревенчатую стену какого-то сарая.

– Пссс. – раздалось над головой.

Аргилай посмотрел вверх. Над ним в темноте белела рука.

– Лезь сюда. – прошептал женский голос.

Юноша, не раздумывая, схватил руку. Рука оказалась на удивление сильной. Перебирая ногами по бревенчатой стене, он вскарабкался и ввалился в чердачное окно. Там была та самая рыжая женщина.

– Пригнись. – прошептала она.

Мимо сарая пронеслись люди с факелами. В крепких руках поблескивали ножи и топоры. Женщина аккуратно высунулась из чердачного окна, и посмотрел вслед.

– Спасибо за помощь. – поблагодарил Лаи. – Если бы не Вы, они бы меня опять сцапали.

– Мы в расчете. – не отворачиваясь от окна, сухо ответила незнакомка.

– Меня Аргилай зовут, – представился юноша. – Можно просто Лаи. Ударение на «а».

– Трицитиана. – бросила через плечо женщина.

– Три-ци-ти-а-на, – старательно по слогам повторил юноша. – Ого, язык сломаешь. А можно просто «Три»?

– Нельзя. – огрызнулась Трица и бесшумно спрыгнула вниз на землю.

Лаи ойкнул от неожиданности, и тоже хотел было прыгнуть из окна за женщиной.

– Куда? – шикнула та.

– Мне с Вами безопаснее. Возьмите меня с собой. – взмолился Аргилай.

– А мне с тобой нет. – отрезала Трицитиана. – Сиди тут или домой вали. – вынесла приговор она и с грацией змеи, бесшумно растворилась в ночи.

– Домой... – вздохнул юноша. – А где он – мой дом?

Выбор не блистал разнообразием. Либо отправляться в дальнейший путь, в полной темноте – без луны и звезд. Не имея никакой цели и не понимая направления. Либо остаться тут, на чердаке, и дожидаться утра. Лаи выглянул из чердачного окна и моментально принял реше-

ние: лечь спать. Свернувшись калачиком и прижав руками колени к груди, чтобы сохранить остатки тепла, юноша уснул тревожным сном без сновидений.

Трицитиана серьезно облажалась и ругала себя последними словами. Это же надо – сунуться к старосте без оружия, прекрасно зная, что тот вожак разбойников. А это все Копыто, все он. До конца не хотел верить фактам. Отговаривал, убеждал: «Оставь копьё, Огненная Фея. И нож не бери, мы же только поговорить.»

«Ну-ну, вот и поговорили» – выругалась про себя Трица. – «Кузнец Чубар теперь, поди, уж с предками беседы ведет. Все, хватит разговоров. Наболтались уже. Надо только до фермы Копыто добраться, оружие забрать и пускай этот мягкотелый табунщик своих мужиков поднимает. Борова валить пора, со всеми его головорезами».

– Внимание, слева! – прервал громкий мужской голос, размышления Трицы, и та моментально припала к земле.

«Опять облажалась» – обругала себя женщина.

Впереди, на дороге стояла большая черная карета. На козлах сидел человек в кольчуге и черной накидке без герба. В руках воин держал взведенный арбалет. Трое таких же бойцов, негромко позвякивая доспехами, направились в сторону, где залегла Трица. Та напряглась, готовясь ринуться прочь.

– Может зверь? – неуверенно спросил один из мужчин, старательно всматриваясь в ночь. – Не слышать ничего.

Другой вскинул арбалет и выстрелил. Стрела прошла в паре локтей над головой Трицы. Та не шелохнулась.

– Ну че там? – прикрикнул боец, сидящий на козлах.

– Никого. – доложил стрелок, взводя разряженный арбалет.

– Повнимательнее. – наказал возница.

Полированная деревянная дверь кареты открылась. Из нее вылез Боров собственной персоной.

– Еще раз приношу свои самые глубочайшие извинения, господин Локкириан. – распинался староста, мелко кланяясь кому-то оставшемуся внутри кареты. – Примите мои самые искренние уверения, что я никогда бы не осмелился нарушить нашу с Вами договоренность. Рыжей бестии, точно кто-то заплатил за этого парня. Видите, как она меня приложила. – посетовал Боров, указывая на свою разбитую голову.

Трица нахмурилась и привстала на локтях, пытаясь рассмотреть пассажира кареты. Хотя и так была почти уверена, что знает его.

Черная дверь захлопнулась. Бойцы в черных накидках вскочили в седла своих скакунов. Возница причмокнул губами и щелкнул хлыстом. Карета покатила по дороге, сопровождаемая вооруженным отрядом конных арбалетчиков.

Боров вытер пот со лба:

– Обошлось. – облегченно выдохнул он.

– А шо ты ему про рыжую набрехал? – спросил Хрип, потирая опухший и посиневший подбородок. – Она ж за кониками приходила, не за хлопцем.

– Вот тебя спросить забыл. – проворчал староста. – Бабу с дитем скрали?

– Ну. – утвердительно кивнул разбойник.

– На хутор тащите. А то, как бы ни вышло чего. – толстяк подозрительно огляделся по сторонам. – Как рассветет – табун погоним. Нечего ему на хуторе светиться.

Трица поднялась на ноги и быстро пустилась в обратный путь.

Кто-то требовательно потряс Аргилая за плечо. Тот проснулся и с испугу попытался ударить разбужившего его. Трицитиана легко увернулась от летящего кулака.

– Хорошая реакция. – похвалила она, а потом спросила: – Боров от тебя чего хотел?
– Кто? – спросонья не понял Лаи.
– Староста, кто, – подсказала женщина. – Жиробас тот.
– А, этот. – осознал юноша и вытянул вперед руку с раскрытой ладонью. – Вот, – кивнул он, показывая поблескивающий маленький прозрачный камушек, искусно ограненный в виде капли воды. – Его хотел.
– Красивый, – кивнула Трица после секундной заминки. – Не потеряй.
Аргилай сжал украшение в кулаке и прижал к обнаженной груди.
– Ты вроде со мной просился? – напомнила женщина.
– Да! – обрадовался юноша. – Можно?
– Пошли. – кивнула рыжая, и ловко спустилась из чердачного окна вниз.
Лаи повторил маневр, но у него вышло не так ловко. Белые, перепачканные грязью штаны, зацепились за сучек, и чуть было не остались на раме окна.
– А куда мы? – рискнул спросить юноша, возвращая единственный предмет своей одежды на его законное место.
– Тише! – шикнула женщина. – А то передумаю.
Аргилай разумно примолк. Он решил довериться новоявленной союзнице и не задавать лишних вопросов.

Коневод, которого Трица за глаза называла «мягкотелым табунщиком» жил в новом бревенчатом доме, недалеко от деревни Большое Дно. Копыто они обнаружили возле конюшни. Тот взволнованно ходил вдоль ограждения левады и отдавал распоряжения мужикам, столпившимся вокруг. Заметив Трицу, он бросился к ней.

– Готов атаковать хутор Борова? – сходу спросила женщина.
– Нельзя атаковать! – испугался Копыто. – Они Золотушку мою похитили и доченьку – Ряпушку!
– А вот надо было слушать, когда я тебе говорила. – пожурила Трица. – Знаю, что похитили.
– Убьют их. – испуганно пробормотал коневод, хватаясь за голову. – Придется табун Борову отдать.
– Не убьют. – заверила женщина и вытолкнула вперед Аргилая. – У парня побрякушка есть, которая старосте нужна. На твоих родных сменяем, а затем атакуем. Покажи ему Лаи.

Затравленно оглядываясь, Лаи раскрыл ладонь. Со всех сторон его обступили суровые деревенские мужики с вилами и топорами.

– На кой он Борову? – нахмурился Копыто, рассматривая прозрачную каменную каплю.
– А я почему знаю. – пожала плечами рыжая. – Но точно обменяет.

Коневод задумался, рассматривая парня:

– Ты украл у старосты побрякушку?

Лаи замялся, не зная, что ответить и с чего начать рассказ. Поле, лес, деревня, таверна, халупа, где на него набросился головорез – это все, что Аргилай помнил о своей жизни. Откуда у него капля и украл ли он ее, купил ли – оставалось загадкой.

– Да какая разница! – встряла рыжая, не дав юноше придумать ответ. – Пока ты тут мучаешься вопросами морали, Копыто, твоя жена и дочка мучаются в лапах разбойников.

– Вопросами чего? – не понял коневод.

– Не бери в голову. – отмахнулась женщина. – Не воровал он побрякушку. Тебе легче?

– Парень, – обратился Копыто к Аргилаю. – Ты согласен обменять свою драгоценность на мою жену и дочь? В долгу не останусь.

– Да, конечно! – легко согласился Лаи, не представляя ценности капли и радуясь, что наконец-то может найти себе друзей.

– Вот и порешили. – удовлетворенно выдохнула Трица. – Тащи мое оружие, табунщик.

Через лес шли очень быстро, самым кротчайшим путем в обход тропинок и дорог. Группу их девяти вооруженных мужиков, Трицитианы и Аргилая возглавлял друг Копыто – опытный охотник из деревни Большое Дно.

Ближе к цели, отряд перестал таиться и двигался в открытую по дороге, ведущей на хутор. Звезды и луна так и не показались из-за туч. Ночка выдалась темная. Чтобы еще более явно обозначить свое присутствие – зажгли несколько факелов.

– Нас засекли. – проинформировала Трица.

Копыто завертел головой по сторонам и нахмурился:

– С чего ты это взяла? – удивился он.

– Прислушайся, – посоветовала женщина. – Филин ухает, слышишь? Три раза ухнет, потом тишина. Снова три ухнет. Запоминай, пригодится, когда старостой станешь.

– Не говори «гоп». – отмахнулся коневод.

– Если я не уверена в удачном результате, то не берусь за дело. – завершила Трица.

– Твоими бы устами. – вздохнул Копыто.

До хутора отряд не добрался. Поперек дороги стояло с полдюжины молодцов самой бандитской наружности. Оружие не обнажали, но у каждого на поясе висел либо длинный нож, либо увесистая дубинка с шипами. Луков или арбалетов ни у кого не наблюдалось, что обеспокоило Трицу. Банду возглавлял староста деревни Большое Дно – Боров. Толстяк скрестил руки на груди над круглым животом и поглядывал на явившийся отряд.

– Че пришел, Копыто? – зло бросил староста.

– У меня есть то, что тебе нужно, Боров. – ответил коневод.

– Сомневаюсь. – усмехнулся толстяк. – Забери своих балбесов и отправляйтесь домой. Про табун даже не спрашивай. Бабу с ребенком завтра вечером верну. А вот твою рыжую подружку я больше в деревне видеть не желаю. Усек?

Коневод вытянул вперед свою жилистую руку. В свете факелов блеснула капля на щечке.

– Меняю это на свою жену и дочь. – предложил Копыто.

Среди головорезов послышались перешептывания. Разбойники явно понимали ценность побрякушки. Но староста даже глазом не повел.

– С чего ты взял, что меня это интересует? – усмехнулся он.

– Хорош лепить горбатого, Боров! – прикрикнула Трица, появляясь из-за спины коневода. В руке женщина держала копьё с длинным, широким наконечником. На поясе красовался кинжал в потертых кожаных ножнах. – Мы все знаем про твоих нанимателей в черной карете, – она вытолкнула вперед Аргилая. – Парень нам все рассказал.

Глаза старосты беспокойно забегали. Он облизал пересохшие губы и с сомнением произнес:

– Мальчишка же ничего не помнит.

– Вспомнил, – завершила женщина. – И рассказал много чего любопытного про магов и эльфов. Улавливаешь, куда я клоню?

Какое-то время Боров размышлял, а затем приказал одному из разбойников:

– Сохатый, тащи сюда бабу с дитем.

Тот, молча, кивнул и растворился в ночи. Головорез быстро вернулся – то ли до хутора оставалось совсем недалеко, то ли пленниц прятали где-то поблизости в лесу. У молодой женщины были растрепаны волосы, разбиты губы и темнел синяк под глазом. Девочка лет восьми выглядела без повреждений. Обeim пленницам связали руки за спиной.

– Золотушка! – испуганно воскликнул Копыто, намереваясь броситься к своим родным. – Солнце мое! Да что они с тобой сделали?

– Потом слюни распускать будешь. – остановила его за плечо Трица. – Сейчас не время.

– Мне кажется, обмен не равен по цене. – тем временем изрек староста. – У меня двое у вас одна. Хочу побрякушку вместе с парнем. Иначе обмена не будет.

– А табун? – уточнила женщина.

– Сказал же, – разозлился староста. – Забудь!

– Лошадку мою хоть верни. – попросила Трица. – И я уеду.

– Ну что не сделаешь ради того, чтобы больше не видеть твою щербатую рожу... – улыбнулся толстяк. – Твоя кляча и баба с ребенком на парня с побрякушкой. По рукам?

– Лады. – легко согласилась рыжая.

– Что значит «лады»? – испугался Аргилай. – Не отдавай меня им!

– Что ты делаешь, Трица? – поддержал парня коневод. – Не было уговора отдавать парня.

– Что я делаю!? – вспылила женщина. – Я жену твою спасаю и ребенка! Опомнись! Кто для тебя этот парень? Никто. Хочешь дело делать – придется рука замарать.

– Ты меня обманула! – заверещал Лаи, пытаясь сбежать. Но мужики сомкнулись вокруг него плотным кольцом и схватили за руки. – Пусти!

– Вот этого не надо. – покачала рыжей головой Трица. – Ты сам со мной наприсился идти. – произнесла она и неожиданно вlepила юноше кулаком в лоб.

Наконец увидев звезды, правда, не на небе, а перед глазами, Лаи шлепнулся на дорогу. Удар оказался не слишком сильным, однако подняться ему не дали. Трица грубо перевернула Аргилая лицом вниз, села сверху и заломила руки за спину. Юноша не удивился, когда почувствовал, как вокруг запястий затягивается веревка. Однако сильно опешил, когда ладонями ощутил холод стали.

– Узел ложный, – прошептала рыжая, обдав ухо Лаи теплым дыханием. – Потянешь – пути спадут. Приставь нож к горлу Борова, дальше я сама.

Она резко подняла парня на ноги. Копыто все еще мучился сомнениями в правильности решения вопроса с заложниками, но надел Аргилаю на шею подвеску в виде капли. Взял того за плечи и заглянул в глаза.

– Прости парень, – искренне извинился коневод. – Я виноват перед тобой и никогда не смогу искупить свою вину.

Трица подтолкнула Лаи в спину:

– Шагай. – издевательским тоном напутствовала она. – Не заблудись, тут целых двадцать шагов.

Тот не ответил. Он напряженно молчал, пытаясь осознать ситуацию и придумать, что ему делать дальше. Если бежать, то куда? И сумеет ли? Трицитиана действительно не обманывала, он сам навязался ей и полез в эту авантюру, стремясь найти друзей. Сам влез, сам и получает теперь. Выполнить, что от него хотят? Возможно. Хотя и очень опасно.

На одной чаше весов разбойники, которые обманули его и пытались отобрать побрякушку. На другой – те же разбойники, но интересующиеся им исключительно в целях спасти своих родных. И если затея окончится положительно для Копыто с Трицей, то у него, возможно, появится шанс заполучить сильных союзников.

«Решено!» – принял для себя решение Аргилай, медленно, на трясущихся ногах, ковыляя к Борову. «Попробую достать этого жиробаса, а там посмотрим».

Разбойники в свою очередь отпустили женщину с ребенком. И те, потупив в землю глаза, торопливо спешили к своим спасителям. Поравнявшись с Лаи, жена коневода подняла заплаканные глаза и прошептала:

– Лучники на деревьях.

Холодный ком страха упал в желудок. Ноги стали еще более ватными.

«Надеюсь, она успеет предупредить Трицу.» – понадеялся Лаи, и собрав остатки мужественности продолжил свой путь.

– А коник мой где? – выкрикнула позади свой вопрос рыжая женщина.

– Утром к таверне пригоним. – нехотя отозвался староста, потирая руки при виде приближающегося к нему Аргилая.

– Вертался. – торжествуя оскалился Хрип. – Недолго птаха на воле порхала.

– Побрякушку сюда давай. – приказал Боров, протягивая руку в сторону Аргилая. – Сбежать еще удумаешь – ноги поломаю. – предупредил староста.

Покорно выполняя команду, Лаи нагнул голову, чтобы дать толстяку возможность стянуть с его шеи тонкую цепочку с каплей. Но тот сгреб украшение в толстый кулак и, сильно дернув, сорвал его.

– Так-то лучше. – похвалил Боров и опустил взгляд, любуясь на блеск капли.

В этот момент Аргилай сбросил с рук веревку и приставил острое лезвие ножа к горлу старосты. Очень громкий и резкий крик Трицитианы заставил одинаково вздрогнуть и мужиков Копыто и разбойников Борова:

– Всем стоять, у него нож!

Не давая противнику опомниться, женщина дернула своих бойцов. В мгновение ока преодолев расстояние, отделяющее отряды друг от друга, бойцы коневода, окружили и разоружили разбойников. Сам табунщик остался с женой и дочерью.

Трица подошла к Борову и, вырвав из его рук каплю, спрятала себе за пазуху.

– Ну и кто теперь валит из деревни!? – торжествуя спросила она. – Молчишь? Нечего сказать?

Лаи набрал воздуха в легкие, чтобы предупредить женщину о тех лучниках на деревьях, про которые ему сказала освобожденная пленница. Но не успел. Староста крикнул первым:

– СТРЕЛЯЙ!

Обозначая свое появление свистом, из ночной темноты вылетело несколько стрел. Две вонзились в мужиков Копыто. То ли ранеными, то ли убитыми те упали на дорогу. Сильный, болезненный удар в лоб, заставил Аргилая вскрикнуть и оступиться. По лицу потекла кровь, стекая по бровям и заливая глаза.

– Гаси факелы! – вскричала Трица, ловко лавируя между людьми, чтобы превратится в трудную мишень для стрелков.

Команду выполнили – факелы погасили.

Начался сущий бардак. Люди, не успевшие привыкнуть к темноте, после яркого света огня, наткнулись друг на друга в кромешной тьме. Не отличая своих от чужих, с испугу били любого, кто оказывался рядом. Те, кто поумнее – пустились наутек. Лаи несколько раз толкнули, несильно задели ударом дубинки и под конец сбили с ног.

– Где староста? – раздалось злое шипение Трицы над самым ухом, сидящего на земле, Аргилая.

– Меня ранили, – испуганно пожаловался тот, ощупывая рану на лбу. – Помоги!

– Идти можешь? – спросила женщина.

– Могу, – ответил Лаи. – Только голова слегка кружится.

– Давай руку. – потребовала Трицитиана, помогая парню подняться. – Побежали! – приказала она и потащила Аргилая за собой, не отпуская его руки, чтобы не потерялся в темноте.

На большой поляне посреди леса, расположилось несколько приземистых домиков. Перекошенные бревенчатые стены облепил мох, на дырявых крышах кое-где отсутствовала солома. От загона, собранного на скорую руку из плохо отесанных сосновых стволов, доносилось ржание. Лошадей плотно напихали в леваду, как соленых огурцов в бочку. Животные заметно

нервничали и толкались в узком пространстве. На поляне звучали голоса. Между домами метались факелы. Разбойники спешно собирались покинуть свое логово.

– Кровь не останавливается. – пожаловался Аргилай.

– Оторви штанину и перевяжи голову. – посоветовала Трицитиана.

Рыжая женщина и парень с голым торсом притаились под раскидистой елкой на краю поляны. Трица внимательно осматривалась по сторонам, тщательно продумывая план действий. Лаи, воспользовавшись ценным советом, оторвал несколько лоскутков от правой штанины и старательно накручивал куски ткани на голову.

– Зачем мы здесь? – закончив перевязку, рискнул спросить юноша.

– Табун, – коротко ответила рыжая. – Я должна вернуть его.

– Одна? – удивился Лаи. – Надо было дождаться парней Копыто.

– Копыто хороший человек, но труден на подъем. – посоветовала Трица. – После того винегрета, что произошел на дороге – долго собирались будет. Табун упустим. И я не одна. – она взглянула на спутника своими холодными глазами, цвета весеннего льда.

– Но почему я? – не понял юноша. – Взяла бы кого из мужиков. У меня и оружия нет. Кроме твоего ножа.

– Взяла, кто под руку попался. – ответила женщина и отвернулась в сторону поляны. – Короче слушай: твоя задача открыть загон с лошадьми, когда подам знак. Понял?

– А какой знак? – уточнил Аргилай.

– Сообразишь. – отрезала Трицитиана и качнула рыжей головой. – За мной.

Учитывая непроглядную темень и то, что разбойники ожидали появления людей Копыто только со стороны дороги, добраться до левады со стороны леса не составило большого труда. Скользя под оградой загона, Трица быстро затерялась среди лоснящихся лошадиных тел. Лаи последовал за ней.

– Туда. – указала женщина, задавая направление напарнику в сторону, где под охраной одного из разбойников, находились самодельные ворота левады. – Открывай по моей команде.

«Легко сказать – открывай.» – проворчал про себя юноша, пробираясь между толкающихся тяжелых тел, норовящих оттоптать копытами босые ноги. «Там сторож, вооруженный и с факелом.»

Лаи уже почти добрался до ворот левады, когда жеребенок, ростом с юношу, хорошенько ткнул того за плечо желтоватыми большими зубами. Аргилай вскрикнул и выругался.

От неожиданности сторож вздрогнул и повернулся. Разбойник поднял над головой факел и всмотрелся в гущу толкающихся животных, сиюсь разглядеть, кто там ругался.

– Ты кто? – удивленно спросил бандит, заметив среди лошадей окровавленного полууголого юношу с перевязанной головой. Разглядеть незнакомца и понять свой это или чужой – сильно мешали бурые куски ткани, свисающие на перепачканное кровью лицо.

На счастье, Аргилая перед ним стоял не Сивый и не Хрип. Сторож даже не стал сходу поднимать тревогу. Стоило рискнуть и попробовать обмануть бандита.

– Там, на дороге, – прохрипел Лаи, изображая слабеющий голос. – Мужики табунщика и его рыжая баба. Всех наших покоцали. Насилу лесом ушел.

– В загон какой влез? – спросил сторож, шурясь и пытаясь понять, кто перед ним.

Где-то поблизости раздалось уханье совы. Совсем рядом. Вероятно, прямо в леваде. Лаи понял, что это знак и, оттолкнув чей-то хвост, протиснулся между крепких крупов к воротам.

– Да так... – отмахнулся он, пытаясь поднять плохо очищенный ствол сосны, заменяющий планку ворот. – Что смотришь? Помоги.

– Ты подлезь. – посоветовал сторож.

– Мог бы – уже подлез. – пожаловался Аргилай. – Мне по спине знаешь, как саданули – согнуться мочи нет.

– Ладно, погоди. – ответил бандит и, положив факел на землю, подсел под тяжелую жердь. – Толкни слегка. – попросил он.

– Это я могу. – заверил Лаи и со всей силы толкнул ствол сосны, скидывая тот за землю, вместе с разбойником. – Открыто! – заорал юноша.

Табун заволновался еще сильнее. Лошади испуганно ржали и двигались, расступаясь перед огромным жеребцом гнедой масти. На неоседланном скакуне восседала рыжая женщина. В руке Трицитаiana держала копьё.

– Еще дольше не мог? – проворчала наездница.

Сторож вылез из-под тяжелой жерди, вскочил на ноги и заорал:

– Тревога! Коней крадут!

– Залезай. – велела Трица, подавая Аргилаю руку и помогая забраться на круп коня, позади нее. – Держись! – крикнула она и ударила скакуна пятками.

Тот рванул с места галопом, сбив могучей грудью и отшвырнув в сторону незадачливого разбойника. Лаи чуть не слетел на землю, но вовремя спохватился и крепко прижался к наезднице. Та сидела верхом уверенно, держась за покатые бока коня ногами. Лево́й рукой женщина вцепилась в густую гриву, а правую подняла, готовя оружия для удара. Но этого не понадобилось. Табун устремился за своим вожаком, быстро набирая скорость. Рыжая воинственно свистела и улюлюкала, подгоняя своего скакуна. Никто из бандитов не хотел оказаться затоптанным десятками копы и не рискнул встать на пути несущейся массы животных.

Когда лес по обочинам дороги закончился, и в предрассветных сумерках вокруг потянулись туманные поля, Трица, наконец, замедлила темп. Табун перешел на рысь, а Лаи с облегчением смог ослабить хватку. Пальцы, которыми он вцепился, в кожаную куртку женщины, чтобы не упасть с коня, затекли и почти онемели.

– Наездник из тебя так себе. – заметила рыжая.

– Конь у тебя больно здоровый, – посетовал юноша. – А ноги у меня короткие. Не могу удержаться.

Трица повернула голову и в недоумении смерила собеседника взглядом:

– Короткие? Ты всего на пол головы ниже меня.

– Размер имеет значение. – усмехнулся Аргилай, старательно растирая ладони.

Женщина презрительно фыркнула и, отвернувшись, ответила:

– Размер сети значения не имеет, коли, в озере рыбы нет. А конь не мой. Мой там. – она кивнула в сторону. – Воронья кобыла с белой гривой. Кличка – Луна.

Лаи завертел головой, осматривая табун, бегущий позади них. Найти черную кобылу с желтоватой гривой не составило большого труда. Мускулистая и поджарая, как и ее хозяйка, лошадка, резво бежала по цветущему полю, затянутому густым туманом. Однако кобыла сильно уступал в размерах гнедому жеребцу-великану, легко несущему, сейчас, двух всадников на своей могучей спине.

– Мелковата. – оценил юноша.

– Дубина ты, – обиделась женщина. – Для путешественника горец ценнее любого иноходца. Ест, что попало. Выносливее тяжеловоза. А самое главное – не нуждается в подковах.

– Уяснил. – кивнул Аргилай и тут же попытался ухватиться за возможность узнать больше о своей спутнице. – Часто путешествуешь?

– Часто. – усмехнулась Трица. – Меня ноги кормят. Особенность работы. – пояснила она.

– Охрана и перегонка табунов? – предположил юноша.

– И это тоже. – уклончиво ответила женщина и, помолчав, добавила. – Берусь за любую работу. Если хорошо платят, и не считаю ее грязной.

– А какую работу ты считаешь грязной?

– Похитить родных хозяина табуна, чтобы не отдавать тому деньги за лошадей.

– То есть Боров предлагал тебе работать на него? – догадался Аргилай.

– Было дело. – кивнула Трицитиана. – Быстро соображаешь. – похвалила она. – А ты кто?

Юноша вздохнул:

– Хороший вопрос. Весь день себе его задаю. И не знаю. Не помню ничего. Совсем. Только сегодняшней день. А кроме него: ноль, пусто. Будто и не существовал вообще.

– Хреново быть тобой. – посочувствовала женщина. – И никаких идей?

– Староста сказал, что я из деревни Большое Дно. Мол, давно со мной знаком. Имя назвал – Аргилай. Про кота шутил. – вспомнил парень. – Но все это было до того, как он у меня каплю отобрать попытался.

– Боров брехло то еще. Лжет, как дышит. – недобро усмехнулась Трица. – А как в деревню пришел, помнишь?

– Через лес шел, через поле. А до того... – лицо юноши исказила болезненная судорога. – До того ничего. Думаю, меня по голове ударили или ядом отравили. От чего еще память потерять можно?

– От магии.

– Ну да, ну да, – отмахнулся Лаи. – Лежачего каждый пнуть норовит. Давай шути над моим горем, хуже мне уже не будет.

– Серьезно. Мой отец маг. – без тени улыбки сообщила женщина. – Я кое-что понимаю в таких делах.

Аргилай нервно усмехнулся. Трица уже показала на переговорах с Боровом, как ловко она умеет обвести вокруг пальца. Врет, не меняясь в лице. Вот и сейчас в заявление, что она дочь мага верилось с огромным трудом. Как и вообще в реальность магии. А даже если магия реально и Три дочь мага, то что она забыла в этой дыре?

«Какой меня сейчас выбор?» – спросил себя юноша и сам же себе ответил. – «Особо никакого. Остается только посмотреть, что затеяла эта рыжая и куда она ведет разговор.» – решил он и спросил собеседницу:

– Считаешь: меня заколдовали?

– Я не вижу твоего лица, – не поворачиваясь к собеседнику, ответила женщина, и Лаи почувствовал в ее словах улыбку. – Но попцом чую – ты мне не веришь. Да, я умею обмануть, когда это необходимо, – словно прочитав мысли юноши, продолжила Трицитиана. – Но никогда не делаю это без острой нужды. Слава лжеца мешает моей работе. Я действительно дочь мага. И поверь – это никогда не облегчало мою жизнь. Магов не слишком жалуют в Хадоле.

– Извини. – сконфузился Аргилай. – Единственный день моей жизни, который я помню, был не самым радужным. Когда вся твоя жизнь – это череда попыток избежать ограбления и смерти – начинаешь не очень-то доверять незнакомцам.

Женщина впервые за время разговора засмеялась в полный голос:

– Добро пожаловать в мой мир!

Туман рассеялся, оставив на траве и листьях крупички влаги. Росинки искрились в первых лучах восходящего над лесом солнца. Дорога вывела табун к деревне Большое Дно. Бревенчатые домики с земляными и соломенными крышами еще спали, прикрыв окна резными ставнями. Громко прокукарекал петух на покосившемся плетне. Со двора залаяла собака.

– Расскажи еще, – попросил Лаи. – Мне нужно вспомнить. Что такое Хадол? Где мы сейчас и какие города вокруг?

– Изволь. – согласилась Трица. – Хадол это королевство, в котором мы находимся. Он расстилается от холодных северных лесов, до Пепельных гор. Столица Хадолы – Тильбон. С востока границы нашего королевства омывает Штормовое море. Самый крупный прибрежный город – Ноби. Там прошло мое детство. Далеко в море расположен остров формой, напоминающий семи лучевую звезду. Там живут маги, после своего изгнания с континента. На западе находится огромный лес, который люди называют Зеленый. Эльфы зовут его... – она замя-

лась. – Нет, я это не выговорю. Не суть. Это лес эльфов. Дальше на запад – королевство гномов. Маленькое, но очень гордое. Как их король. Самый южный город королевства – Грейсван. Он находится в огромной горной долине. Отец рассказывал, что ущелье под строительство расширили с помощью магии. Да и сам Грейсван создали маги. Это было очень давно. Этот город – огромная крепость. Он охраняет единственный проход из Хадола в соседнее королевство Ваницию. Столица Ваниции – Фельдбон. Но туда я не ездила, и ничего не могу рассказать. – закончив самую длинную для себя речь за последние годы, Трицитиана повернулась к собеседнику, чтобы проверить – не заснул ли тот.

Аргилай действительно слегка клевал носом. Однако слова женщины не прошли мимо него. Перед глазами Аргилая в полудреме проплывали белоснежные стены крепостей и величественные дворцы. Прекрасные эльфы и мудрые гномы. Маги в длинных мантиях и с седыми бородами до пояса, с помощью заклинаний поднимали из моря острова и раздвигали горы.

Локоть больно ткнул его под ребра. Юноша проснулся.

Мимо вновь тянулись приземистые деревянные домишки и покосившиеся изгороди. Попахивало давно не чищенным свиноманом. Лаи очень захотелось обратно – в свои видения.

– Вспоминаешь? – спросила Трица.

– Пусто! – с досадой ответил Аргилай. – Ты сказала твой отец маг... – юноша немного замялся. – Если я потерял память от магии, думаешь, он может это исправить?

– Думаю, он может попытаться. – задумчиво промолвила женщина.

– А ты... – начал было Лаи, но совсем сконфузился и забубнил под нос. – Ты наемница, а у меня и заплатить нечем. Ну, а один я куда? Мира не знаю, защитить себя не могу.

Деревня закончилась. По обочинам дороги простирались пахотные поля. Зеленые, пока не созревшие, колосья пшеницы, лениво шевелил легкий утренний ветерок.

– Поняла, куда клонишь. – повернулась к собеседнику рыжая. – Отвезти тебя к моему отцу и защитить в дороге. Хм. – она помолчала. – Не хочу лгать тебе. Я уже видела камень, ограненный в виде капли воды. Твой не первый.

Аргилай встрепенулся от новости, а женщина продолжила:

– У отца есть такой. Или был. Это магический артефакт. Не спрашивай – я никогда не интересовалась, откуда и зачем он. У отца много диковинок. Он сам много путешествовал в молодости. Думаю, его может заинтересовать второй такой артефакт. Я возьму его с тебя, как оплату. Но у меня есть условия.

– Правда!? – радостно завопил Лаи. – Я согласен! По рукам! Здорово! Когда отправляемся? А долго ехать?

– Дослушай! – прикрикнула Трицитиана. – В путешествие ты делаешь то, что я скажу. Если начнешь тупить, спорить и самовольничать – головой ради тебя рисковать не стану. Уезжаю и все. Уговор?

– Уговор, – легко согласился юноша и быстро закивал с радостной улыбочкой умалишенного. – Я буду покорный, как собачка!

– Ну конечно... – тяжело вздохнула женщина, не веря ни одному его слову о покорности. – Тогда слушай: Копыто твой должник, он сам говорил, все слышали. Требуй в награду коня, седло и хорошую одежду. Главное клячу полудохлую не выбери. Я подскажу, если что.

– Понял, Три! – важно кивнул счастливый Аргилай, не особо слушая, что ему говорят.

У него наконец-то наступала, хоть небольшая, но ясность в жизни. Есть цель, есть путь, есть друг. Ну, пусть и не совсем друг – наемник. Это все равно гораздо лучше гнетущей неопределенности и болезненной пустоты внутри. Юноша искренне верил – маг ему поможет. Злые чары рассеются – Лаи вспомнит кто он. Найдет своих близких, друзей, станет жить счастливо. Как все, у кого есть место, которое можно назвать родным домом. Осознание одиночества, отрешенность от жизни, творящейся вокруг, непонимание где ты находишься – превращает твое бытие в невыносимую тюрьму. Тюрьму, из которой нет выхода, если кто-то со стороны

не подаст руку. Не выведет тебя на свет, не объяснит, как и зачем существовать в этом мире. Этого ужаса не поймет никто, кроме тех, кто потерял память.

Сейчас Аргилаю протягивали руку помощи. И он будет последним глупцом, если не уцепится за нее.

– Никогда не называй меня Три. – напомнила девушка.

– Понял, Три! – вновь согласился юноша, витая в облаках своих размышлений. И тут же больно получил локтем под ребра.

– Дубина! – выругалась Трицитиана, а затем спросила. – Ничего не забыл?

– А? – удивился парень и непонятливо захлопал ресницами. – Ты, о чем?

– Твоя побрякушка все еще у меня. – напомнила рыжая.

– Я тебе верю. – добродушно ответил Лаи.

– Никому не верь, – посоветовала Трица, отдавая каплю ее владельцу. – Особенно мне.

Глава 2 – В путь.

Иногда жизнь ставит перед каждым человеком сложную концептуальную проблему выбора. Подхваченному вихрем головокружительных событий прошедших суток, сомневающемуся в каждом своем новом шаге и решении, Аргилаю, сейчас необходимо было собраться с духом, заглянуть внутрь себя и немедленно дать ответ на насущный вопрос: какие шелковые шаровары выбрать – зеленые с черным рисунком или красные с золотым?

– Ты себе коня выбрал меньше чем за минуту, – проворчала Трица, битый час ожидающая, когда ее новый спутник окончательно подберет себе костюм, из вещей предложенных Копытом. – А портки выбрать не можешь?

– С конем проще было. – ответил Лаи, задумчиво потирая подбородок и переводя взгляд с одних шаровар на другие.

Смешно изменив голос, женщина спародировала недавние слова Аргилая:

– Вес – это надежность. Чем больше – тем лучше.

– Да, – согласился юноша, игнорируя явный сарказм. – А еще этот громадный конь разбойника ударом груди на несколько шагов отбросил. – напомнил он. – С такой животинкой никогда не пропадешь!

– Или пропадешь сразу. – скривилась Трицитиана. – Один Фельдбонский боевой конь стоит, как пол табуна обычных. – сообщила она. – И учти: Копыто на разведение его купил. Нехорошо лишать коневода племенного жеребца.

– Ты мне сказала: не выбирай клячу. – напомнил Лаи. – Вот я выбрал.

– Я показывала тебе спокойную выносливую кобылку! – отгрызнулась женщина и скрестила руки на груди. – А не это гигантское чудовище. Ты в седле, как мешок с навозом. Куда тебе боевой конь?

– Но ты сама брала этого жеребца, когда вводила табун у Борова!

– Он вожак, – разозлилась Трица. – За другим конем табун не пошел бы!

– Не знал, – сконфузился юноша. – Думал, ты взяла его из-за того, что конь боевой.

– А ты с кем воевать собрался? – с подозрением спросила женщина. – Я тебя обещала к отцу проводить, а не на войну. Едем по большаку до Ноби, там по перевалу через Пепельные горы – и все, мы на месте.

– Ну, мало ли, дорога дальняя. Всякое случиться может. – отрешенно ответил Лаи, прикладывая зеленые шаровары с черными узорами к своим ногам. – Эти? Или все же те? Никак не могу выбрать.

– Да выбери ты уже портки! – не выдержав, взорвалась наемница. – Бери любые!

Аргилай с укоризной посмотрел на собеседницу.

– Вот у тебя, сколько штанов в жизни было? – спросил он.

– Откуда я знаю. – в раздражении проворчала женщина. – Глупость, какая – портки считать. Много, наверное.

– Вот именно. – кивнул Лаи, возвращаясь к своему занятию по выбору шаровар. – А у меня это вторые штаны в жизни. Не хочу ошибиться с выбором.

Трица задумчиво посмотрела на собеседника, прикидывая, куда бы его побольнее пнуть. Но решила, что ей лень вставать с лавки, чтобы колотить парня и наставительно произнесла:

– Если бы ты хотел исключительно красные портки – то не стал мерить зеленые.

На лице Аргилая расцвела счастливая улыбка человека, который годами искал смысл жизни и внезапно обрел просветление:

– Решено! – вскричал он. – Беру зеленые!

– Наконец-то... – с облегчением выдохнула женщина. – Надевай и пошли. Нас обедать звали еще час назад.

Утро следующего дня выдалось прохладным и пасмурным. Совсем не таким, какое утро представляют в своих фантазиях закоренелые домоседы, когда мечтают однажды выйти из дома и отправиться навстречу приключениям. Утро старательно намекало, что приключения – это не только новые впечатления и интересные знакомства, но и грязь, холод, усталость; сырая, твердая земля вместо теплой, мягкой постели и туалет в кустах, где голодные комары радуются каждой голой заднице.

Аргилай неумело сидел в седле, сонно щурился и зевал во весь рот.

– Даже не позавтракаем? – жалостливо спросил он.

– Позже. – отрезала Трица, а затем обратилась к табунщику, явившемуся проводить путешественников до околицы. – Еще раз поздравляю с назначением на должность старосты, Копыто. Если какая помощь понадобится – пиши, приеду.

– Дороговато мне вышла твоя помощь. – проворчал коневод, поглядывая на Фельдбонского боевого жеребца, которого по уговору пришлось отдать Лаи.

– У тебя табун остался, – напомнила рыжая женщина. – И Борова выгнали с деревни.

– И то верно. – согласился Копыто. – А не вертается он?

– Пес его знает. – пожала плечами Трицитиана, подтягивая стремяна белогривой Луны. – Банду ему мы изрядно потрепали. Дважды подумают прежде, чем опять лезть в Большое Дно. Табуна и статуса в деревне он лишился. Власти у него теперь нет. Влияния тоже. Что ему остается? Лопнуть от злости? – усмехнулась она.

Коневод, ставший новым старостой деревни Большое Дно, улыбнулся и поднял ладонь в прощальном жесте:

– Доброй дороги, друзья! – напутствовал он.

– И тебе не хворать. – кивнула женщина.

– Спасибо за все, Копыто! – поблагодарил Лаи.

Трицитиана оказалась права. После того, как Боров потерял должность старосты в деревне Большое Дно, упустил табун лошадей и потерпел поражение от людей Копыто – оставшаяся в живых горстка разбойников решили: ловить им под командованием толстяка теперь нечего, и оставили своего вожака. Лишь Сохатый и раненый Хрип остались при бывшем предводителе. То ли поверив обещаниям, что у того еще остались сбережения в тайниках. То ли по каким-то другим соображениям.

Худая старая кляча тащила дребезжащую телегу, выдавшую свои лучшие годы, много лет назад. Другой Сохатый угнать не смог. Разбойник неумело правил на козлах, подгоняя несчастное животное.

Боров и Хрип сидели в телеге и жевали сушеный горох. Разбойника наскоро перевязали, после того, как один из людей Копыто проткнул ему бедро вилами. Боров остался невредим, отделавшись лишь парой синяков и ущемленной гордостью.

– Чу, глянть! – встрепенулся Хрип. – Вершник позади.

Толстяк обеспокоенно повернулся и посмотрел на дорогу, утекающую вдаль из-под разбитых деревянных колес повозки. Густой утренний туман сильно ограничивал видимость, но вдалеке точно угадывался силуэт всадника. К сожалению, рассмотреть с такого расстояния незнакомца – не представлялось возможным. Однако тот спешил исправить это досадное недоразумение и быстро приближался.

– Кто це? – тщательно присматриваясь, спросил разбойник. – Собака рыжая шо ли?

А Боров узнал всадника и дико закричал на Сохатого:

– Гони! Гони быстрее!

– Та туда гнать!?! – заспорил тот. – Кляча чахлая – падет.

– Гони, говорю!

– Ну, лады.

Разбойник хлестнул кнутом несчастную кобылу. Телега ускорила шаг, набирая ход. Но скакун незнакомца был моложе и резвее – всадник неминуемо приближался. Сохатый встал на козлах и беспощадно хлестал старую клячу. Спина лошади покрылась кровью, изо рта хлопьями летела пена. Повозка дребезжала, прыгала на неровностях дороги и грозила развалиться в любой момент.

– Да кто это? – прокричал Хрип, тщетно стараясь удержаться на метающийся из стороны в сторону повозке.

– Заткнись! – зло бросил в ответ перепуганный Боров, вцепившись побелевшими руками в деревянную перекладину.

Всадник вскинул руку, словно приветствуя путников. Раздался треск дерева. Колесо телеги отлетело в сторону. Повозка, вильнула вбок, накренилась, и с грохотом перевернулась, подняв тучу пыли. Оглобли обломились, освобождая кобылу. Та вырвалась и унеслась прочь, скрывшись в утреннем тумане.

Боров застонал и с трудом выплюнул землю, набившуюся в рот. Изрядно помятый толстяк перевернулся на спину. Повезло – он почти не пострадал при крушении телеги. Но радость вышла преждевременной. Над бывшим старостой деревни Большое Дно возвышался всадник на белом коне. Незнакомец был одет в неброскую кожаную куртку и серые суконные штаны. На ногах красовались высокие ботфорты, а голову украшала охотничья фетровая шляпа с черно-белым пером. Из оружия у мужчины имелся простенький кинжал на поясе.

– Где табун и капля? – грозно спросил незнакомец, переводя дух от быстрой скачки.

– Мэтр, я не виноват! – пискнул бывший староста, силясь отползти в сторону. – Это все рыжая! Она обманула меня! Забрала мальчишку и лошадей!

Всадник нахмурился и тронул лошадь пятками, заставляя толстяка отползать от надвигающихся копыт:

– Мальчишка меня не интересует, – ответил он, останавливая кобылу. Незнакомец поднял руку, облаченную в длинную перчатку для верховой езды, направляя ладонь в сторону Борова. – Мальчишку ты обещал эльфу. Не смей отрицать, мне все известно. Каплю тоже отдал остроухому?

Резкая боль горячим узлом скрутила нутро. Толстяк заверещал, словно свинья под острым ножом мясника. Всадник некоторое время наслаждался страданиями жертвы, а затем опустил руку. Боль отступила, оставив блаженное чувство облегчения. Бывший староста заплакал, трясясь от страха, и пролепетал:

– Я никому не отдавал каплю, мэтр. Капля у рыжей. Она забрала ее – Огненная Фея.

Позади своего мучителя, Боров, заметил движение на дороге. Из-за перевернутой телеги крался Сохатый. Разбойник медленно приближался к всаднику со спины, сжимая в руках засапожный нож.

– Огненная Фея? – переспросил незнакомец и вновь приподнял руку в перчатке. – Где она?

– Я не знаю! Наверное, в деревне! У Копыто! Не надо! Я говорю правду! – закричал Боров, ожидая новой волны боли. Но ее не последовало.

Разбойник, подобравшийся к всаднику за спину, замахнулся ножом, чтобы вогнать клинок в поясницу жертвы. Лошадь почувствовала движение и испуганно подалась в сторону. Удар прошел мимо цели, лишь распоров ткань на штанах и оцарапав бедро человека. Незнакомец молниеносным движением ткнул рукой в направлении противника. Сохатого отбросило в сторону. Разбойник пролетел несколько метров по воздуху и упал, сломанной куклой, оставшись лежать на дороге.

Воспользовавшись тем, что всадник отвлекся, Боров вскочил на ноги и побежал в лес. Так он не бегал уже давно. Наверное, с раннего детства, когда украл в чужом огороде репу и

улепетывал, спасаясь от собаки. Ветки хлестали по лицу, оставляя кровоточащие царапины, стук сердца, барабаном отдавался в ушах, дыхание с хрипом вырывалось из садящих от бега легких.

Незнакомец не стал играть в догонялки. Он неспешно поднял руку, выставил согнутый указательный палец и прицелился. На губах скользнула легкая улыбка. Всадник обожал смертоносное заклинание «Алый фонтан», но ему давно не представлялось случая воспользоваться им. Сейчас этот случай настал.

Палец резко разогнулся. В лесу прозвучал характерный хлопок, означающий, что «стрела» нашла свою цель. Незнакомец спешился и поправил на голове охотничью фетровую шляпу с черно-белым пером. Чтобы размять ноги мужчина позволил себе немного прогуляться по лесу и оценить результат колдовства.

Воняло крайне скверно. То, что еще совсем недавно составляло объемный живот бывшего старосты – алыми гирляндами висело на ветках. Стволы ближайших деревьев густо окрасились кровью. Трицитиана вновь оказалась права: Борова в буквальном смысле разорвало. Пусть и не от злости.

К полудню стало заметно теплее, но солнце так и не показалось из-за густых облаков. Птицы летали низко, намекая, что пора бы начаться дождю. Однако тот не спешил намочить путников, рискнувших отправиться в дорогу.

Позавтракали, не слезая с седла, сухарями и ледяной водой из фляги. Лаи поделился сухариком со своим конем. Тот схватил угощение горячими губами и самозабвенно захрустел. Трица хмуро покосилась на спутника и ворчливо произнесла:

– До ближайшей деревни неделя пути. Запасы кончатся – будешь вместе с конем травку щипать.

– А до твоего отца, сколько добираться? – поинтересовался Лаи, старательно потягиваясь и разминая спину. – У меня поясница болит от езды.

– Сущий пустык, – с поддельным добродушием откликнулась Трица. – Пару месяцев.

– Сколько? – ужаснулся юноша. – А по дороге будет что-то интересное, кроме леса?

– Будет. – успокоила женщина. – Недели через три будем проезжать через столицу.

– Тильбон? – уточнил Аргилай.

– Тильбон. – подтвердила Трицитиана.

Жеребец резко остановился. Юноша с трудом удержался в седле, поскольку конь нагнулся к луже напиться воды и потянул за собой всадника за уздечку. Лаи с силой натянул повод, сию секунду подняв морду животного. Но тщетно. Конь превосходил своего седока не только силой, но и упрямством. – Долбаный упрямец, – пропыхтел парень, вставая в стремянах и двумя руками таща за кожаный ремень.

– Хочешь его так назвать? – не скрывая улыбки поинтересовалась рыжая, наблюдая за мучениями спутника.

Конь напился, поднял голову и отряхнулся. Лаи ударил его пятками, понукая двигаться дальше. Бесплезно. Ветки ближайшего дерева манили своей сочной листвой, и конь, оторвав одну из них, неспешно принялся жевать.

– «Долбаный упрямец» – слишком длинное имя! – выругался юноша, продолжая тщетные попытки заставить коня слушаться команд. – Будет просто – «Упрямец».

– Так мы никуда не доберемся. – решила Трица, продолжая наблюдать за страданиями парня. – Держись крепче! – вскричала она и ударила пятками свою кобылу.

Обдав Аргилая и Упряма облаком пыли, Луна резво припустила галопом по дороге. Приподнявшись в стремянах и пригнувшись к белоснежной гриве Луны, женщина свистела и улюлюкала, всецело отдаваясь восторгу скачки.

Жеребец перестал жевать листву, фыркнул и вскинул голову. Такого безобразия он потерпеть не мог. Лаи чуть не вылетел из седла, когда Фельдбонский боевой конь сорвался с места в карьер и помчался вслед кобыле.

– Иииииааа! – от восторга крик сам вырвался из горла юноши.

Деревья замелькали по обочинам, сливаясь в сплошную зеленую стену. Упрямец с легкостью догнал Луну, обошел и полетел дальше, едва касаясь копытами земли. Лаи привстал в стремях и до боли сжал коленями седло. Встречный ветер трепал длинную черную гриву. Жесткие волосы Упрянца били Аргилая по лицу и смешивались с длинными волосами юноши, почти такого же цвета.

Где-то на грани здравого смысла, держась одной тонкой ручкой за сознание, на ветру трепетала мысль: "А если ветка в глаз?". Но встречный поток воздуха был такой мощный, что мысль разжала пальчики и исчезла позади в клубах пыли. Оставив лишь чистый незамутненный восторг скорости и восхищение живой мощи под седлом.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Взмыленного Упрянца, перешедшего на шаг, догнала Трица верхом на Луне.

– Смотри-ка – удержался! – засмеялась женщина.

Лаи решил посчитать эту усмешку спутница за комплимент.

– А то! – ответил он, с трудом успокаивая дрожь в руках.

– Резвая коняшка, ничего не скажешь! – восхитилась женщина.

Аргилай с гордостью вкинул нос:

– Размер имеет значение!

– Знаешь, что в народе говорят про любителей больших коней и длинных мечей? – хитро прищурилась Трицитиана.

– Знаю, – не стушевался Лаи. – Их называют – рыцари!

Копыто ополоснул руки в большой бочке с дождевой водой и, вытирая ладони расшитым холщевым полотенцем, подошел к ожидавшему его, человеку.

– Все в порядке с вашей лошадкой, господин Герд. – авторитетно заверил новый староста деревни Большое Дно. – Глаза и нос чистые, копыта целы, кушает хорошо. Может мошка, какая куснула или напугалась чего? – предположил он.

– Чудесно. – кивнул высокий человек в кожаной куртке, которого назвали Герд. Он поднялся с завалинки дома Копыта и водрузил на голову охотничью фетровую шляпу с чернобелым пером. – Сколько я должен?

– Пару медяков, – ответил табунщик и махнул рукой. – Я ж только осмотрел. Вот кабы врачевать пришлось – тогда совсем другой разговор был.

Герд улыбнулся уголками бледных тонких губ и произнес:

– Мне не зря Вас рекомендовали. – он извлек из поясного кошелька две медных монеты.

– Да, – согласился Копыто, с благодарностью принимая деньги. – Ухо надо держать остро в нашем королевстве. Плут на плуте. Давеча кузен мой ездил в деревню Жадины. Неделя пути отседа. – пояснил староста. – Лошадь у него в пути захромала. Так ихний коновал моего кузена, как липку ободрал. А там и всего-то – щепка в копыто попала. Гусиным жиром залить и все дела.

Герд усмехнулся рассказу табунщика, затягивая подпругу и проверяя стремяна своей лошади. Достал из-за пояса и длинные перчатки для верховой езды, надел. И, протянув Копыто руку на прощание, произнес:

– Благодарю, староста.

Коновод почтительно пожал протянутую руку.

– Доброго пути. – пожелал он.

– Чуть не забыл, – вспомнил Герд, продолжая сжимать кисть старосты. – Ваша дочь. Она сказала, что Огненная Фея работала на Вас. Спасла от разбойников, вернула табун. И у нее был медальон. В форме капли.

Копыто слегка побледнел. Серые глаза собеседника, не мигая, смотрели на него. Словно у kota в засаде, неотрывно глядящего на маленькую птичку, которой через мгновение предстоит оказаться в его острых когтях. Пожилой табунщик знал – у Трицы полно недоброжелателей. Таковы уж особенности ее ремесла. И помнил, какой сыр-бор разгорелся из-за подвески в виде капли: Боров готов был сменять ее на жену и дочь коневода. Видать не малая ценность у побрякушки.

– Дочка моя та еще сказочница, господин Герд, – ответил Копыто, пытаясь унять дрожь в голосе и придать ему беззаботные нотки. – Огненная Фея ее любимый сказочный герой. Вы же знаете этих детей.

– Знаю, – холодно произнес собеседник, не отпуская руки табунщика. – Маленькие, глупые, но искренние. Я всегда вижу, когда мне лгут.

Староста проглотил ком, застрявший в горле. А Герд приблизил свое лицо к лицу коневода и продолжил:

– Ваша дочь очень славная. Настоящее горе потерять такого ребенка.

Копыто попытался вырвать свою кисть. Но рука в длинной перчатке для верховой езды, держала крепко, продолжая сжиматься все сильнее. Пальцы коневода пробила острая боль. Еще чуть-чуть и раздастся хруст тонких косточек.

– Где Огненная Фея и капля? – тихо спросил Герд. – Не вздумай еще раз солгать мне.

– Утром уехала, – простонал староста, скрежеща зубами от боли. – По главному тракту, в сторону Тильбона. С ней парень – капля у него.

Рука собеседника разжалась, боль ушла. Копыто тут же отошел в сторону, растирая онемевшую кисть. Герд ловко вскочил в седло, развернул лошадь и, обернувшись через плечо, приказал:

– Если в деревне появится незнакомец в белых одеждах – задержи его. Он может обладать еще одной каплей. – пояснил он. – Эти подвески принадлежат мне. Узнаю, что не выполнил поручение – уничтожу твою семью. Верись мне?

– Верю. – в ужасе выдохнул Копыто.

Всадник плотнее надвинул на голову охотничью войлочную шляпу с пером, чтобы не сорвало встречным потоком воздуха. Отсалютовал старосте и ударив кобылу по ребрам пятками, пустил в галоп по дороге. Вскоре он скрылся за поворотом и более никогда не возвращался в деревню Большое Дно.

К вечеру прошел мелкий дождик, замочив путников, коим не повезло в это время оказаться в дороге. Когда он закончился, облака раздвинулись, открыв взгляду чистое умытое дождем небо. Наскучивший своим однообразием лес, тянувшийся вдоль обочин большака, сразу преобразился: сквозь мокрую листву, пробились яркие полоски солнечных лучей; птичий гомон смолк, мошकारа перестала виться над лошадьми. Наступила та самая волшебная тишина, которая бывает только перед закатом.

Трица натянула повод своей кобылы и свернула с тракта, по одной ей заметной тропинке.

Очень скоро на маленькой полянке, скрытой от взглядов с большака, затеплился небольшой костерок. Над огнем медленно закипала вода и сохла промокшая одежда. Коней напоили у ручья, почистили и стреножили, оставив пастись рядом с лагерем.

Утомленный дорогой Аргилай с трудом дотащил седло Упрямца до костра, бросил на землю и сел сверху, вытянув ноги. Тело нещадно ныло от усталости, глаза слипались. Но Лаи сделал над собой усилие, чтобы не отключиться. Ведь впереди его ждало самое главное в любом путешествии – горячий ужин.

– Я нанялась сопроводить тебя, а не готовить. – огорошила юношу Трица. – Сегодня, я так и быть готовлю на двоих. Но завтра – готовишь ты.

Парень тупо похлопал длинными ресницами:

– А я... – начал, было, он, но не закончил. Женщина перебила.

– Научишься! – отрезала наемница.

Еда не отличалась ни вкусом, ни запахом. Лаи даже затруднялся подобрать название данному блюду. Вяленое мясо слегка разварилось, но осталось почти таким же жестким. Недоваренная крупа хрустела на зубах. При всех своих недостатках ужин имел и свои достоинства – горячий и сытный. Закончив трапезу, юноша помыл посуду в ручье и оттер котелок, используя в качестве тряпки – траву с песком. Когда он вернулся к догорающему костру – уже стемнело. Трица расстелила свою подстилку из войлока и готовилась ко сну. Аргилай вытащил точно такую же подстилку из седельной сумки и с сомнением посмотрел по сторонам. Ночной лес дышал какой-то своей собственной, неведомой простому человеческому глазу, жизнью. В серебряном свете луны между деревьями металась тень. Из густой чащобы слышались шорохи и звуки. Тьма пугала неизвестностью, а воображение поддерживало ее в этом и всячески помогало: дорисовывая любой непонятной фигуре: рога, клыки и длиннющие когти.

– А мы не будем стоять на страже? – боязливо спросил юноша. – Час ты, час я. Или как это делается?

– Хочешь – стой. – не стала спорить женщина. – Я спать.

– Думаешь тут безопасно? – не унимался Лаи.

– Глухомань. – сухо ответила Трица, заворачиваясь в одеяло и подкладывая под голову кулак.

– Вот как раз в глухомани и водятся всякие, – предположил Аргилай, таращась в темноту. – Рогатые, клыкастые, волосатые, когтистые твари.

Женщина зевнула и перевернулась на другой бок, чтобы не видеть собеседника. Лаи подбросил в костре еще пару веточек. Раздул пламя поярче. Огляделся. Заметил какое-то движение между деревьями. Вздогнул и выхватил из огня горящую головню.

– Прекрати, – проворчала Трица. – Спалишь все.

– Там есть кто-то! – пожаловался юноша, указывая горячей головней.

– Мы в глуши, – объяснила еще раз рыжая. – Тут некого бояться. Дикие звери к костру не пойдут. А если пойдут, то лошади услышат и предупредят. Вот когда ближе к столице будем, там да, там – люди. Придется и стражу нести. Спи.

Аргилай вернул головню на место и завернулся в одеяло. Объяснения Трицитиана не слишком помогли. Вернее, сделали еще хуже. Теперь юноша лежал и прислушивался – а не заржут ли кони.

– Три. – шепотом позвал он.

Женщина не ответила. Лаи повторил громче.

– Я просила не называть меня так! – раздалось злое шипение с соседней подстилки. – Дай поспать.

Наступила тишина. Было слышно лишь, как потрескивают угли в костре.

– Извини, – нарушил затянувшуюся паузу юноша и добавил: – Мне просто страшно.

– Поверь, единственное существо, которого тебе стоит бояться – это я, если не выплюсь. – прорычала Трицитиана.

– Да, – согласился собеседник страдальческим тоном. – Ты можешь за себя постоять. А вот я...

– Что ты?

– Если на нас нападут, то я стану лишь мешаться тебе. – парень тяжело вздохнул. – Не умею драться.

– Спи! – угрожающе повторила воительница.

– А может, ты научишь меня драться, а? – попросил Лаи. – Дашь пару уроков, как вести себя в бою.

Трица обреченно застонала.

– Если я соглашусь, ты заткнешься? – уточнила она.

– Конечно! – обрадовался юноша, привстав на подстилке.

– Согласна. – сдалась наемница. – А теперь заткнись и спи.

– Заткнулся, сплю! – отозвался Лаи и уснул только через несколько часов.

Солнце еще не поднялось над горизонтом, а Аргилая уже растолкали и заставили подняться с подстилки.

– Что такое? – сонно проворчал юноша, кутаясь в одеяло от утреннего холодка. – Если на нас напали, то я еще сплю – пусть приходят позже.

– Ты учиться хотел. – напомнила Трица.

Девушка выглядела до неприличия бодрой и выспавшейся. Словно бы и не спала на жесткой земле в холодном лесу.

– Хотел. – согласился Лаи, растирая кулаками глаза. – Сейчас?

– Передумал?

– Нет, – стараясь придать голосу, решительность ответил юноша и выпрямился. – Я готов.

– Отлично, – кивнула женщина и бросила к его ногам толстую палку без веток и сучков.

Сделав пару шагов назад, она остановилась. – Попробуй ударить меня.

Аргилай сбросил с плеч одеяло и нагнулся, чтобы поднять палку. В этот момент Трица пнула парня ногой по голове. Не сильно, но очень больно. Лаи свалился на землю, держась за глаз.

– Ты умер. – вынесла приговор женщина. – Вот урок: никогда не делай то, что от тебя ожидают. Враг может расставлять ловушки и заманивать тебя в западню. Всегда веди свою игру, будь внезапен и непредсказуем. Понял?

– Мой глаз, – простонал юноша. – Он затек и болит.

– Приложи что-нибудь холодное. – посоветовала рыжая. – Будет неплохой фонарь, но за неделю пройдет.

– Зачем ты это сделала? – спросил Лаи, поднимаясь на ноги. – Могла просто объяснить, не пиная меня.

– Ты же просил пару уроков. – удивилась женщина, сворачивая подстилку и убирая одеяло в сумку. – Мудрое слово и хороший пинок – запоминаются лучше, чем просто мудрое слово. – назидательно изрекла она.

– Я говорил про фехтование и прочее.

– С чего ты взял, что я умею фехтовать?

– Но ты, же охраняла табун, дралась с разбойниками. – проговорил Лаи, прижимая к глазу ком холодной земли.

– Я умею выживать, решать проблемы, – согласилась Трица, поднимая седло и направляясь седлать Луну. – Умею драться. Но фехтование это не ко мне. Вот будем в Тильбоне – найти там себе мастера меча. Фехтование – это конечно хорошо, – рассудительно продолжила она, закидывая седло на спину своей кобылы и нагибаясь застегнуть подпругу. – Но не в моей работе. Не на большаке, не в подворотне. Чтобы выжить – фехтования мало. Надо уметь думать, действовать, а не бросаться в бой, размахивая мечом. Был случай, одного моего приятеля вызвал на дуэль очень искусный фехтовальщик. Вот как думаешь, что сделал мой знакомый?

– Не пришел. – съязвил обиженный Аргилай.

– Вариант. – улыбнулась Трица. – Нет, он нанял пару головорезов, чтобы те хорошенько отделали фехтовальщика в темной подворотне. Ребята тогда слегка перестарались.

Лаи тоже поднял седло и пошел седлать Упрямца. На ходу он ворчливо обронил:

– Видимо твой приятель не слышал про слово «честь».

– Слышал, – не согласилась женщина. – И расскажет тебе многое об этом слове при встрече. Ведь он еще может и говорить, и думать и защищать свою честь и честь своих родных. А того фехтовальщика уже давно зарыли в землю. И имя его никто не помнит.

На следующее утро Трица вновь разбудила Лаи ни свет, ни заря.

– Не передумал? – спросила она.

– Нет. – сонно ответил он, стараясь не дотрагиваться до покрасневшего и распухшего глаза.

Толстая палка упала на траву. Женщина сделала пару шагов назад и замерла в ожидании.

– Попробуй меня ударить. – повторила она вчерашнее задание.

Аргилай посмотрел на палку, затем на свою наставницу, вновь на палку.

– Я не буду! – решительным тоном изрек он. – Не хочу. Это неправильно. Ты плохой и глупый учитель!

– Что ты сказал? – сузив голубые холодные глаза до узких щелочек, угрожающе произнесла женщина и сделала шаг вперед.

В этот момент Лаи ударил кулаком, метя ей в лицо. Ну как ударил – попытался. Наемница легко увернулась от размашистого удара и следующим движением оттолкнула парня от себя, одновременно ставя ему подножку.

Аргилай растянулся на земле. Снизу-вверх посмотрел на наставницу. Трица улыбнулась:

– А ты молодец, – похвалила она и подобрала палку. – Попытка засчитана.

– Всегда веди свою игру, будь внезапен и непредсказуем. – повторил заученный материал, Лаи.

– Фехтования, значит, хотел... – задумчиво произнесла Трицитаiana, поигрывая в руках увесистой палкой. В ее глазах зажегся нехороший огонек. – Это конечно не фехтование, но пригодится гораздо больше. Готов к первой тренировке?

Юноша встал с земли, отряхнулся и сообщил:

– Готов! Что мне делать?

Тонкие губы женщины растянулись в хищной улыбке.

– Что угодно, но не дай себя ударить. – мстительно ответила она и хорошенько приложила палкой по ноге Лаи.

– Ай! – вскрикнул юноша, хватаясь за ногу. Но переживать за будущий синяк времени не было – сверху летел новый удар. Парень отпрыгнул.

И началась фехтовальная тренировка. Ну, или не совсем фехтовальная. Скорее форменное избиение. Аргилай пытался уклоняться, защищался руками, отступал, но все равно, раз за разом получал новые синяки. Трица нещадно гоняла его по поляне, иногда ругаясь или давая советы и наставления.

На третье утро тренировка возобновилась. В этот раз, во время избиения, Аргилай впервые попробовал не уклоняться или отступать, а нырнуть под удар. На удивление получилось. Он даже успел перехватить руку Трицитаiana, за что вначале получил одобрение, а затем удар коленом живот.

На четвертое утро, хорошенько отбитый Лаи, рискнул распухшими от синяков руками и поймал палку. Крепко сжал и сильно рванул на себя. Палка внезапно поддалась. Трица отпу-

стила ее. Этот маневр был настолько неожиданным, что Лаи потерял равновесие. Он не успел даже подумать, что сделать дальше, когда кулак Трицитианы разбил ему нос.

– Плохо! – женщина стояла над ним, уперев руки в бока. – Ты опять не думаешь! Злишься и тупо прешь вперед. Подловить тебя на этом – ничего не стоит.

Аргилай кашлянул и сплюнул. Осторожно дотронувшись до носа – вздрогнул от боли. Из обеих ноздрей текла кровь.

– Отдохнул? – безжалостно спросила Трица. – Вставай, продолжим.

– Продолжим!? – гнусаво возмутился Лаи, поднимаясь на ноги. – Да какой продолжим!? – обиженно прокричал он, и в сердцах отбросив палку, ушел к ручью умываться.

Лошадей седлали в напряженном молчании. Посиневший от синяков Аргилай дулся на наемницу и старательно делал вид, что ничего не произошло. Женщина только ухмылялась в ответ, искоса поглядывая на своего обиженного спутника.

Утро выдалось теплым, а белые облака в лазоревом небе обещали погожий денек. Пробираясь по ковру из опавших сосновых иголок в сторону дороги, Трица заметила, что Луна заметно нервничает. Наемница нахмурилась, подозревая неприятности.

– Эй, стой! – женщина вполголоса окрикнула Лаи, идущего первым.

Тот сделал вид, что не услышал и продолжил свой путь, ведя под уздцы Упрянца. До дороги ему оставалось несколько шагов.

Луна раздула ноздри и испуганно всхрапнула, явно чуя зверя или кого-то чужого.

– Стой говорю! – громче повторила Трица, всерьез забеспокоившись и пытаясь догнать юношу.

Но опоздала. Лаи уже вышел из леса. Он в нерешительности остановился у обочины дороги, глядя на человека, сидевшего верхом на лошади.

Незнакомец вскинул руку.

Глава 3 – Арт-три.

– Дороги доброй! – поздоровался белобрысый, лопоухий мужчина, добродушно улыбаясь чрезмерно крупными зубами. Он был вооружен небольшим топориком, а в руках держал лук. – Обязан спросить: кто вы и куда направляетесь?

Трица под уздцы вывела Луну на дорогу и остановилась в нескольких шагах от незнакомца.

– Ну, спросил ты, – ответила она, враждебно посматривая на стрелу, лежащую на тетиве лука. – И что?

Мужчина неуверенно поерзал в седле. Слова женщины явно застали его врасплох. Обычно ему не отвечали вопросом на вопрос.

– Велено спрашивать. – смущенно пробубнил незнакомец. Затем взял себя в руки и продолжил более уверенным тоном. – Мое имя Фоня. Я охранник каравана. Велено спрашивать: «кто такие и куда едут».

– Путники мы, – с легкой усмешкой представилась Трицитиана. – В Тильбон едем. Доволен?

– Путники? – переспросил Фоня, с сомнением рассматривая собеседницу. – А копьё зачем?

– Охотиться.

– На таких лошадях? – усомнился охранник.

– Медведи нынче быстроногие, знаешь ли. – не скрывая издевки, ответила рыжая и легко вскочила в седло Луны. – Так и носятся туда-сюда. Пешим никак не догнать.

Аргилай повторил маневр Трици и тоже залез в седло. Но не так ловко и не с первой попытки. Купеческий охранник, по-видимому, разузнав все, что хотел – развернул свою клячу и, ударив ее пятками, припустил по дороге.

– Кажется, скоро нам предстоит встреча с торговым караваном. – провожая лопоухого взглядом, задумчиво произнесла Трицитиана.

Но Лаи сильно разочаровался. Фургон с полукруглой парусиновой крышей и два вооруженных всадника – вот и весь караван, о котором говорил белобрысый охранник с крупными зубами. Первое, что бросилось в глаза – возница. Несмотря на лето, низенький мужчина с длинными усами, сидевший на передке фургона, был облачен в распахнутую лохматую шубу. Его обнаженную грудь украшала толстая бронзовая цепь, а в ухе поблескивала тяжелая золотая серьга.

Одним из всадников являлся, уже знакомый Аргилаю, лопоухий Фоня. Вторым – крепкий пожилой мужик в кольчужной безрукавке на голое тело. Морщинистое лицо немолодого охранника пересекал уродливый шрам, а темные глаза смотрели колко и подозрительно.

Когда караван поравнялся с путниками, возница натянул поводья и остановил фургон.

– Вот это встреча! – воскликнул возничий, вставая на передке во весь свой скромный рост. Лохматая шуба не могла скрыть его щедедушное тельце, комплекцией своей более подходящее голодному подростку, чем человеку в самом расцвете лет. – Я было решил – Фоня опять напился, когда он сказал, что увидел Огненную Фею. Никак не ожидал лицезреть Вас здесь, могучая воительница Трицитиана, дочь арт-три. Я Чистогон, купец из Тильбона. – представился он.

– Здравссте. – сквозь зубы поздоровалась могучая воительница Трицитиана, дочь арт-три.

– А я Аргилай. – поддержал знакомство Лаи.

Но купец не удостоил юношу своим вниманием. А вот при виде Упрямца, глаза Чистогона на мгновение расширились и блеснули немалым любопытством.

– Я человек дела, – продолжил мужчина в лохматой шубе, скрещивая руки на узкой груди. – Направляюсь в деревню Жадины и мне нужны охранники. Двоих мало. Нанимаетесь?

– Сколько платишь и что везешь? – спросила Трица, здраво прикидывая, что деньги никогда не бывают лишними, а с фургоном ехать все равно в одну сторону.

– Везу товар, – увильнул от прямого ответа Чистогон. – Плачу два серебряника.

– Хочу шесть. – сухо сообщила женщина.

– Шесть одному охраннику за два дня пути!? – возмутился купец. – Грабеж! Я своим меньше плачу за неделю!

– Не одному. – Трица кивнула в сторону Лаи.

Чистогон нахмурился, рассматривая юношу:

– Какой из него охранник, – фыркнул обладатель шубы. – Даже оружия нет.

– Есть! – рыжая ловко отстегнула от пояса кинжал в ножнах и кинула его Аргилаю. Тот, не ожидая такого поворота событий, не смог поймать оружие, и оно упало на дорогу. Юноша попытался исправить ситуацию: не слезая с коня, нагнулся за кинжалом. Но его вновь ждала неудача – то ли Упрямец оказался слишком высок, то ли рука слишком коротка. Пришлось вынимать ноги из стремян, слезать с коня, подбирать оружие и возвращаться в седло. Что тоже получилось далеко не с первого раза. Вся процедура происходила под неусыпным и молчаливым вниманием зрителей.

Лаи поерзал в седле, в которое, наконец, получилось залезть, и с важным видом произнес:

– Да, я вооружен.

Трица страдальчески подняла глаза к небу. А Чистогон усмехнулся в усы и ответил в тон юноше:

– Вооружен и очень опасен. Нет, – покачал он головой. – За такого охранника шесть монет много.

– Зато в самый раз за Трицитиану, дочь арт-три. – парировала женщина. Она не собиралась так просто сдаваться в торге. – Проверь меня. Пусть твоя хваленая охрана не даст сейчас мне добраться до тебя. Если у них получится, то работаю на тебя бесплатно два дня. Если нет – согласишься на шесть монет. Идет?

Чистогон оглянулся на своих бойцов. Те находились в двух шагах по обеим сторонам фургона. Рыжая женщина с копьем – шагах в десяти. Парня с кинжалом купец вообще не брал в расчет.

– Фоня, Кислый, – обратился коротышка к охране. – Если Огненная Фея до меня доберется, то плачу ей из вашего жалования. Поняли?

Те кивнули и обнажили оружие, готовясь отразить нападение. Но его не последовало. Трица молниеносно и без замаха метнула копье. Оружие воткнулось в стенку фургона совсем рядом с самым дорогим, что было у Чистогона. Тот вздрогнул и посмотрел на качающееся древко у себя между ног, затем поднял взгляд на женщину.

– Ты умеешь торговаться, – медленно проговорил купец и широко улыбнулся, демонстрируя золотой зуб. – Я согласен на шесть монет.

– Половину вперед. – коротко и сурово подытожила Трицитиана.

Золотозубая улыбка на лице Чистогона померкла. Коротышка полез в кошель.

Аргилай плакал. Раскрасневшиеся глаза жгло нестерпимой болью. Слезы катились по щекам и капали на льняную рубаху. Во рту пересохло, дыхание вырывалось с хрипом из утомленных легких. Юноша размазывал слезы по лицу, хлюпал носом, но упрямо продолжал раздувать костер, который уже давно пытался развести.

Приближался вечер. Караван, разросшийся с трех до пяти человек, остановился на ночлег. Фургон под охраной Кислого и Трицы поставили у обочины дороги. Лагерь разбили недалеко от дороги в уютной дубовой роще.

– Ты як не родной. – посетовал Фоня на тщетные попытки Аргилай развести костер. Лопухий свалил рядом с кострищем принесенную охапку хвороста и, отодвинув юношу, сам взялся за огниво. – Сам-то откуда будешь? – спросил он, высекая искру на сухой мох.

Лаи вытер лицо рукавом и, пожав плечами, ответил:

– С Большого Дна.

– Слыхал. – кивнул Фоня, раздувая растопку, занявшуюся язычками пламени. – Я с Пердюхино. А кликать ты как?

– Аргилаем, – представился юноша. – Можно Лаи, ударение на «а».

– Дивный ты Аргилай. – пробормотал лопухий, отодвигаясь от жарко разгорающегося костра. – Говорок не местный, городской. Кликать не по-нашему. И огня развести не сумеешь.

– Меня в честь кота назвали. – мрачно ответил юноша. – Сэр Аргилай Блохастый.

Фоня хохотнул, вновь показывая свои чрезмерно большие зубы и лошадиную улыбку.

– Ядрено! – оценил он, а затем внезапно предложил. – Выпить хоч?

Лаи кивнул. Несколько дней путешествия уже успели научить, что от угощения отказываться не стоит. Еды, воды и выпивки в дороге никогда не бывает много. Скорее наоборот – никогда не хватает. Голод и жажда самые верные спутники путешественника. С ними могут поспорить только холод, неудобства и туча насекомых.

Фоня извлек из торбы кожаную флягу. Ребром ладони ловко сбил деревянную пробку и протянул флягу собеседнику. Аргилай понюхал горлышко, пахло хвоей и алкоголем.

– За знакомство! – отсалютовал юноша и сделал большой глоток. Часто заморгал. Громко чихнул. – Неплохо. – оценил он, возвращая сосуд хозяину.

– На здоровье! – пожелал Фоня и тоже выпил. – Кто тебе так? – поинтересовался он, указывая на кровоподтеки и синяки, украшающие лицо собеседника. – Рыжая колотит?

Аргилай кивнул, подкладывая в костер палочки.

– Бедолага. – посочувствовал лопухий. – Меня батя тоже поколачивал. А вот Чистогон руки не распускает. Кричит только. За дело получил?

– Не бьет она меня, – отмахнулся Лаи. – Драться учит.

– Чу! – удивился Фоня. – А не брешешь? Эка невидаль: арт-три мужика учит.

Юноша отошел от огня и с удовольствием опустил свою пятую точку на седло, лежащее на земле.

– Отличное пойло, – похвалил Аргилай. – Дай еще.

Лопухий протянул флягу и тоже в свою очередь, давая отдых ногам, сел на соседнее седло.

– В селе у нас все самодур гонят. – объяснил он. – Кто из шишек, кто из еловых побегов.

– Арти или аттри, – юноша попытался воспроизвести незнакомое слово, но язык уже заплетался. – Это вообще, что такое?

– Арт-три. – поправил Фоня. – Чу! Говорю ж дивный ты. Дремучий. Все про арт-три знают в нашем краю.

– Так объясни, раз все знают. – попросил Лаи, отдавая весьма полегчавшую кожаную флягу.

– Бабы-воины це. – начал свой рассказ охранник, прерываясь чтобы сделать глоток самодура. – Живут на острове где-то в море. Поклоняются богине, яки кличут Три. Храм у них имеется, но мужиков не пускают. Только явись – враз на копыа поднимут и башку чик-чик.

Аргилай испуганно икнул. Огляделся по сторонам и, понизив голос до шепота, опасливо спросил:

– А как же они этого, – он сделал недвусмысленное движение пальцами. – Ну, того. Фоня отхлебнул поила и наклонился к лицу собеседника.

– Самому любопытно. – он тоже понизил голос. – Вот смотрю на твою подружку и думаю – а как же она?

– Да иди ты! – прыснул Лаи, толкая охранника в плечо. – Не гони. Знаешь ты все – рассказывай. Интересно!

– Ну, тут как, – смиловился лопухий, продолжая излагать. – Якши мужик крутой, здоровенный и шишка, как у коня, то они с ним шпили-вили, – он повторил движение, которое показывал юноша. – Пока не забрюхатят. Коли потом пацан народится задушат сразу. Коли баба – обучат биться.

Аргилай задумчиво почесал в затылке.

– Это че ж получается, – удивился он. – Раз арт-три меня обучает, значит я баба?

– Вразумел ты! – заржал, было, белобрысый охранник, но резко замолк – возле костра стоял Чистогон, злобно смотря на своих работников.

– Бухаете оболтусы! – негодуяще закричал он. – Я за, что вам плачу? За разговоры? Почему жратва не готова?

– Так, мы ж це того... – испуганно промямлил Фоня, хватая пустой котелок. – Я за водой! – придумал он и потопал в сторону ручья на слегка заплетающихся ногах.

– Ты чего забралом клацаешь? – процедил сквозь зубы купец, переводя темные от гнева глаза на юношу. – Пользы с тебя, как с козла молока.

– Козла иначе доят. – попробовал отшутиться Лаи. Но безуспешно – коротышка в лохматой шубе даже не улыбнулся.

– Остряк, что ли? – зло спросил Чистогон. – Я ща те тоже пощучу – язык враз вырежу. У Кислого спроси, тоже шутовал. Вот только он тебе теперь не ответит. – засмеялся купец, отводя подол шубы и демонстрируя кривой кинжал, висящий на поясе. – Вали к фургону, смени Кислого. Он хоть готовить умеет.

Угроза звучала достаточно реалистично. Аргилай проглотил комок, подкативший к горлу. Опьянение быстро улетучилось. Парень поднялся и стремглав побежал в сторону дороги.

Солнце опустилось за горизонт. Темнело. Сочные краски дневного леса неумолимо тускнели, сдаваясь угрюмой воле надвигающихся сумерек. Фургон сиротливо стоял у обочины. Лаи озадаченно огляделся по сторонам. Пустынная дорога зеленой полосой тянулась в обе стороны. Ни Кислого ни Трицитианы поблизости не наблюдалось.

– Че пришел? – послышался знакомый голос из ближайших кустов.

От неожиданности юноша вздрогнул и обернулся.

– Кислого послали сменить. – ошарашено пролепетал он. – Ты зачем в кустах сидишь? – задал вопрос Лаи и осек себя за него: а не помешал ли он своей спутнице в каком-то важном деле?

Ветки раздвинулись, показалась рыжая голова. Одновременно из кустов на другой стороне дороге с шумом выбрался пожилой охранник в кольчужной безрукавке. Кислый проковылял мимо Аргилая, одарив того на прощание презрительным злым взглядом.

– Купец велел сидеть в кустах, вот и сидим. Чистогон – чудило, но шесть серебряников за два дня неплохие деньги. – объяснила женщина. – Твой пост на той стороне. Добро пожаловать в ночную стражу. Дежурим до полуночи.

– Он мне язык грозился отрезать. – пожаловался Лаи. – Я ужин не успел приготовить.

– За ужин? – с сомнением спросила рыжая, приняв хиваясь к перегару, исходящему от юноши. – А не за то, что бухал с тем деревенским олухом?

Аргилай стыдливо опустил глаза.

– Не дрожи, дубина, – ободрила Трица. – Чистогон только на словах дерзкий. Знаю я такую породу. – она на задумчиво посмотрела на фургон, а затем продолжила. – Думается мне зря мы к нему на службу пошли. Не нравится он мне.

– В смысле? – не понял парень.

– Глаз у него нехороший, – пояснила наемница. – И темнит много. Что у него в фургоне? Вон смотри – замок на дверь повесил. Не нравится он мне. – повторила женщина. – Завтра верну задаток и скатертью дорога.

Предмет разговора бодрой походкой вышел из леса.

– Ты где должен быть? – прикрикнул Чистогон. Полы его лохматой шубы развивались от ходьбы. – Опять лясы точишь?

– Кислый не сказал где мой пост. – ответил Лаи, пытаясь выкрутиться.

– Остришь, паскуда!? – зло прорычал купец, хватаясь за кривой кинжал на поясе. Но заметив холодный взгляд Трицы, смягчился и убрал руку с оружия. – Схоронись в тех кустах до полуночи. Потом тебя сменят. А вы, уважаемая Трицитиана, – повернулся он к рыжей голове, торчащей из кустов. – Расположитесь вон там, дальше по дороге.

Ночь быстро вступила в свои права, выпив из мира все цвета и оттенки, оставив лишь один оттенок, свой любимый – серый. В свете звезд на дороге, чуть более светлой, чем окружающий ее лес, угадывались очертания купеческого фургона. Лаи мерз в кустах, пытаясь согреть ладони своим дыханием, и размышлял: а на кой хрен он тут вообще сидит? Если утром Трица хочет распрощаться с Чистогоном и отдать тому задаток, то зачем сейчас мучиться на посту. Да и есть ли от него самого прок? Не зги не видит в темноте, драться не умеет – хороший из него дозорный. Вот бы костер у повозки развели, чтобы заметить, если кто-то решит к ней подобраться. И нужен ли сам Лаи здесь, когда как в противоположных кустах сидит более опытная, во всех этих делах Трица, а в фургоне сам Чистогон. Не лучше ли плюнуть на всю эту ерунду и вздремнуть? Отличная идея – решил юноша и, свесив голову на грудь, попробовал уснуть. Но не тут-то было. В тело, пытающееся расслабиться, впились всяческие палочки и камешки на земле. В спину уперлись острые ветки куста. Ко всем прочим напастям со стороны дороги послышался чей-то протяжный стон, мешающий поймать ускользающую блаженную дрему.

«Стон?» – окончательно проснулся Аргилай. – «Стон! Что-то случилось! Я охранник – я должен проверить!»

Неловко вывалившись из кустов и порвав рубаху острой веткой, юноша вышел на дорогу и прислушался. Стон повторился. Звук явно доносился со стороны фургона. Нет, из фургона! Кинжал блеснул холодным отсветом луны, покидая кожаные ножны. Лаи не был уверен, что готов применять оружие, но его наличие в руке придавало уверенности. На тракте никого не наблюдалось, возле повозки тоже. Парень подбежал к повозке и постучал кулаком в деревянный борт.

– Эй, кто там? – не найдя лучших слов, спросил Аргилай.

Внутри зашуршали. Затем раздались шаги в звук отпираемого изнутри засова.

– Я те где велел быть!? – со стороны двери донесся злой голос Чистогона.

– Стонал кто-то, – робко доложил юноша. – Проверить решил.

Тон купца слегка потеплел, но лишь на пару градусов.

– Кошмары меня мучают. – пояснил он. – Возвращайся на свой пост.

Лаи убрал кинжал в ножны и собрался вернуться в кусты, но неприятный запах заставил его остановиться и принюхаться. Воняло давно немытым телом и выгребной ямой. Судя по всему – из фургона.

– У Вас все в порядке? – уточнил юноша.

– Все прекрасно, – недовольно буркнул купец, закрывая дверь. – Вали уже.

Аргилай еще какое-то время постоял, возле фургона, настороженно прислушиваясь к ночной тиши. Стон не повторялся. Вероятно, кошмары больше не мучили Чистогона. Парень пожал плечами и отправился в кусты, уже ставшими слегка родными и уютными.

Прошло еще два часа за которые не произошло совершенно ничего примечательного. Ну, или произошло, но юноша этого не увидел, поскольку уснул.

– Полночь! – громко прокричал Фоня.

Лаи вылез из кустов, растирая кулаками глаза. Из темноты рядом с ним бесшумно материализовалась Трица с копьем.

– Смена. – сообщил лопоухий охранник. – Мы вам похлебки оставили. Доедайте.

– Благодарствуем. – кивнула женщина и быстрым шагом направилась в сторону леса.

Костер в лагере давно прогорел. Над остывшими углями висел небольшой закопченный котелок. Аргилай сунув в него нос. Пахло лучше, чем стряпня Трицы. Однако суп давно остыл и покрылся жирной пленкой с налипшими мухами. Несмотря на пустой желудок, спать хотелось гораздо сильнее, чем есть. А еще более сильнее, чем разводить костер и греть пищу. Чтобы стряпня не протухла, и к утру в лагере не висело такое же амбре, как из фургона, юноша снял котелок с палки и вылил его содержимое под дальнюю елку.

Трица опять бесшумно материализовалась из темноты. Однако в этот раз ее руки занимало не копье, а деревянная миска и ложка. Лаи застыл с пустым котелком в руках.

– Разогрел? – спросила женщина, заглядывая в котел и хмуря рыжие брови. – Где похлебка?

Юноша выдержал паузу, раздумывая, как выкрутиться. Но светлые идеи не шли на ум. Оставалось лишь во всем признаться:

– Там. – признался он, указывая на дерево.

– Эх, дубина ты дубина. – вздохнула женщина.

Она с сожалением осмотрела остатки ужина. Пнула кусочек мяса, который с первыми лучами солнца облепят муравьи, если за ночь не утащат мыши. А Лаи поспешил перевести тему, чтобы ограничиться «дубиной».

– Почему ты сделала мне исключение? – задал назревший вопрос парень. – Ведь арт-три не учат мужчин?

Трицитиана устало усмехнулась и покачала головой.

– Лопоухий насвистел? – догадалась рыжая.

– Да. – не стал отрицать Аргилай.

– Что еще наплел?

– Про остров, про храм Три, про убийство мальчиков, про обучение девочек. – старательно перечислил юноша опуская тему «шпили-вили». – Фоня наврал? Это не правда?

– Отчасти правда. – уклончиво ответила женщина. – Моя мать действительно арт-три. Беременной отец выкрал ее из храма. Боялись, что будет мальчик. Но родилась я. Мать умерла при родах. Меня никогда не обучали в храме, я там не была. Так, что не надейся – я не делала тебе исключения. Я арт-три по рождению, но не по воспитанию.

– Но ты назвала себя «арт-три», когда торговалась с купцом. – удивился Аргилай.

– Иногда это полезно в работе. – улыбнулась Трица.

– А драться? Где ты научилась драться если не в храме Три?

– Переулки порта горда Ноби – мой храм. – подвела итог рыжая, а затем поставила жирную точку в разговоре. – Я спать.

Пинки в бедро, уже почти ставшие привычными за последние дни, вновь разбудили Лаи незадолго до рассвета. Он с трудом разлепил глаза и сонно спросил:

– Пора на тренировку, да?

– Бери кинжал и дуй за мной. – коротко бросила Трицитиана и с грацией змеи, бесшумно скользнула в сторону поляны, где караван оставил лошадей.

В тусклом свете серого предрассветного неба хмурые охранники каравана Чистогона спешно седлали лошадей. Вот только не своих. И не совсем седлали. Пытались обуздать.

Рыжая женщина остановилась на краю поляны и затаилась за могучим стволом старого дуба.

– Смотри, – прошептала она, указывая на поляну.

И посмотреть было на что: светловолосый Фоня медленно, чтобы не спугнуть кобылу, подобрался к Луне. В руках у лопухого стальными удилами позвякивала уздечка. Подобравшись на расстояние вытянутой руки, он резко накинул кожаный ремень на морду лошади. Та, испуганно, прижала уши и подалась назад. Охранник не растерялся и схватил Луну за бело-гривую шею, стараясь застегнуть пряжки на узде.

– Эй, это же наши кони! – переполошился Лаи. – Что происходит?

– Тихо! – шикнула на него Трица. – Просто смотри.

Говорят, что питомцы похожи на своих хозяев. И пусть Луна не отличалась рыжим окрасом, но в темпераменте мало чем уступала Трицитиане и столь фамильярного отношения со стороны незнакомца стерпеть не смогла. Удар копытом в промежность Фони был молниеносен. Мужчина вначале побледнел, а затем побагровел лицом. Его глаза постепенно выпучились и увеличились до размера крупных яблок. Охранник тихонечко, совсем по девчачьи, пискнул и повалился на землю, держась руками за свои расплюснутые помидорки.

Но он еще легко отделался. Кислому повезло гораздо меньше. Пытаться обуздать Фельд-бонского боевого жеребца в одиночку являлось неудачной идеей. Хотя еще более неудачной идеей стала идея ударить коня кнутом, чтобы успокоить. Упрямец, конечно, успокоился, но уже после того, как ударом груди опрокинул обидчика и как следует, растоптал копытами его тело.

– Вот и урок на сегодня. – наставительно произнесла Трицитиана.

– Не быть тупицей? – предположил Лаи.

– И это тоже, – улыбнувшись, ответила женщина. – Но я хотел сказать, что иногда не стоит спешить решать проблему. Иногда стоит выждать, и проблема решится сама собой. Умение ждать и наблюдать. Понял?

– Ждать и наблюдать? Это я смогу. – заверил Аргилай.

– Тогда пойдем, поглядим, как решилась наша проблема.

Лопухий охранник лежал в позе эмбриона, держась руками между ног, и тихо поскуливал. Увидев, появившихся на поляне хозяев лошадей Фоня перепугался и попытался уползти. Но Трица не позволила.

Лаи нагнулся над изуродованным телом в кольчужной безрукавке и аккуратно толкнул носком ботинка Кислого. Кажется, тот уже не дышал.

– Этого можно закапывать. – подвел итог юноша.

– Это самая жалкая попытка угона лошадей, которую я видела. – усмехнулась женщина, смотря сверху вниз на белобрысого бедолагу. – На что вы надеялись? Думали – я не услышу.

– Похлебка... – простонал Фоня, голосом гораздо более высоким, чем раньше. – Похлебка была отравлена.

– Ну и кто тут дубина? – спросил Аргилай, расцветая самодовольной улыбкой. – Как насчет урока о том, что лень иногда полезна?

– Тут мне тебя учить нечему. – отмахнулась женщина.

– Рина, Риночка моя, как ты теперь? – тонко пискнул охранник, сиюсь подняться.

– Плохо она теперь. – рассудила Трица, рассматривая повреждения, нанесенные копытом Луны. – О женщинах тебе придется забыть надолго.

– В фургоне с другими пленницами! – продолжая корчиться от боли, выдавил из себя Фоня.

– У него теперь такой забавный голос. – заметил Аргилай.

– погоди, – почуяв неладное, нахмурилась Трица. – О чем он пищит? Лаи дай ему выпить из его фляги.

Еловый самогон быстро помог притупить боль, и охранник нашел в себе силы связно объяснить ситуацию. Оказалось, Чистогон занимается не много ни мало – работорговлей. Кого силой, кого обманом заманивает в свой фургон молодых деревенских девушек. Там опаивает снадобьем, от которого те спят всю дорогу, и везет в Тильбон, где продает в бордели Нового города. Фоня по своей простодушной глупости без памяти влюбился в одну из пленниц, заточенных сейчас в фургоне. Лопухий возомнил, что сможет выкупить девушку на деньги, полученные на службе у Чистогона. Или на худой конец – выкрасть при удобном случае. Что касается воровства коней и попытки отравить их владельцев: купец предложил этот план, как только Фоня рассказал ему о том, кого встретил на тракте.

Лицо Трицы потемнело, а голубые глаза нехорошо блеснули:

– Вот оно как. – угрожающе изрекла она и решительным шагом направилась в сторону дороги.

– Спасите Рину! – пропищал охранник, пытаясь подняться на ноги. – Прошу!

– Я эту его золотую серьгу, – рассерженной кошкой прошипела себе под нос женщина. – В гузно ему запахну. Не вытащит.

Но выполнить обещание Трицитиана не успела. Когда из леса, вместо охранников с похищенными лошадьми вышла Огненная Фея, Чистогон принял единственно верное решение – драпать. Кнут со свистом рассек воздух и обрушился на спину запряженных лошадей. Крытый фургон выкатился на дорогу и помчался прочь, быстро набирая скорость.

– Не уйдет! – вскричала девушка, бегом возвращаясь на поляну. – Седлай лошадей!

Скакунов заседлали в рекордно короткие сроки. С собой ничего не взяли, кроме оружия. При любом исходе погони собираясь вернуться в лагерь.

Выведа Луну на большак, Трица ловко вскочила в седло и сразу пустила лошадь галопом. Лаи немножко отстал, поскольку в очередной раз не смог с первой попытки забраться на спину высокого Упрямца. Но Фельдбонский боевой быстро догнал черную кобылку и легко обошел ее в стремительной карьере. Юноша уже гораздо более уверенно держался в седле и даже не стал вцепляться в густую гриву Упрямца.

Густое пыльное облако стелилось за несущимся по тракту фургоном. Чистогон имел неплохую фору, но все равно нещадно нахлестывал лошадей. Стоя во весь свой скромный рост в расстегнутой шубе на передке повозки он ловко работал длинным кнутом.

Ветер свистел в ушах, пыль забивалась в прищуренные глаза Аргилая, крупные копыта Упрямца мелькали над землей – конь спущенной стрелой несся по дороге, преследуя купца. Древний, как сама жизнь – инстинкт хищника, овладел юношей. Все мысли сузились до трех пламенеющих пунктов: догнать, схватить и разорвать. Первый пункт выполнить удалось, а вот с двумя оставшимися вышла неловкость. Ну от догнал он и что? Пытаться достать купца кинжалом? Таранить телегу? Прыгать на возницу? Кричать он бессилия? Учítывая, что Лаи ездил верхом меньше недели и был уверен, что свалится с седла при любой попытке акробатического номера – юноша выбрал последний вариант.

– Тормози гад, тормози! – заорал Аргилай, сляясь перекричать грохот мчащегося фургона.

– Катись ты! – в ответ рявкнул купец и ударил Аргилая кнутом.

Плечо обожгло огнем. Юноша зашипел от боли и потянул Упрямца в сторону. Чистогон вновь ударил. Но в этот раз кнут лишь щелкнул в воздухе, не достигнув своей цели.

– Хочешь добавки? Подходи! – загоготал коротышка и со свистом крутанул свое оружие над головой.

Аргилай выхватил из ножен кинжал и с ненавистью швырнул в мерзкую смеющуюся рожу противника. Метать ножи, а уж тем более кинжалы его никто не учил, но острый тяжелый предмет, летящий в лицо, всегда остается острым предметом. Чистогон вскрикнул и оскалился от боли – на щеке алела кровоточащая царапина.

Черная кобыла с белой гривой, наконец, догнала фургон и стремительно приближалась к его противоположному от Упрямца, борту. Теперь всадники скакали по обеим сторонам повозки. Трица сжимала в руках копьё и непременно готовилась его применить. Но купец ударил раньше. Женщина не стала уклоняться – прикрылась предплечьем. Кнут со свистом рассек воздух и намотался на подставленную руку арт-три. Наверняка такое попадание причинило сильную боль, но на лице наемницы не дрогнул, ни один мускул. Чистогон потянул оружие на себя, в попытке его высвободить. Но поздно – Трица ухватила за кнут и резко дернула, обезоруживая противника.

– Прижимайся к лошадям и тормози их! – прокричала рыжая, жестикулируя Аргилаю.

Лаи быстро сообразил и, потянув Упрямца, прижал своего скакуна к одной из двух лошадей, тащивших фургон. Схватился за удила. Трица сделала тоже самое, со своей стороны. Чистогон решил не дожидаться остановки повозки и на ходу прыгнул в кювет.

Спустя пару минут фургон удалось остановить.

– Вот это да! – восхитился Аргилай, останавливая жеребца рядом с повозкой.

– Что, «да»? – проворчала Трица, успокаивая лошадей. – Недомерка упустили.

– Ничего, – усмехнулся Лаи, сдерживая гарцующего Упрямца. – Свидимся еще. Главное девушки спасены.

– Главное, не главное, – передразнила женщина, осматривая навесной замок на дверце фургона. – Кинжал, зачем выкинул?

– Да я хотел... – стушевался юноша, не зная, как оправдаться. – Но я попал в Чистогона! – наконец нашелся Аргилай.

– Каким концом?

– Не знаю. – окончательно расстроился парень.

– Вот теперь иди и верни мой кинжал! – приказала Трицитиана, обрушивая на замок подвернувшийся под руку булыжник.

Лаи опустил плечи и с видом побитого щенка побрел обратно по большаку.

Кинжал отыскался через несколько сотен шагов. Оружие мирно лежало на обочине дороги под высокой сосной на ковре из опавших иголок.

«Хорошо не в кусты,» – подумал Аргилай, нагибаясь. – «А то бы ни в жизни не сыскал».

Взошедшее над краем леса солнце светило в спину, что позволило вовремя заметить чужую тень позади. Несколько дней избиений палкой, именуемых Трицитианой – тренировками, не прошли даром. Юноша дернулся в сторону – это спасло ему жизнь. Кривой кинжал Чистогона полоснул по ребрам, оставляя глубокую царапину, вместо того, чтобы воткнуться в печень. Лаи заскрежетал зубами от боли и отпрыгнул, одновременно разворачиваясь к противнику лицом.

– Я же обещал вырезать тебе язык! – сообщил купец, ловко поигрывая своим оружием. Лохматая шуба порвалась от скоротечной эвакуации с движущегося фургона и висела грязными лоскутами. Усатое лицо украшал свежий порез. Коротышка явно настроился отыграться на Аргилае за все свои сегодняшние неудачи. А значит, настало время проверить, сколь внимательно Лаи слушал свою наставницу и, что смог запомнить из ее уроков.

Юноша выставил вперед правую ногу и слегка присел на левую ногу. Руки поднял высоко над головой, выпучил глаза и громко, протяжно мяукнул.

– Ты чего? – неуверенно спросил Чистогон, приведенный в замешательство странной стойкой и поведением противника.

Лаи медленно опустил руки, разведя их в стороны, и издал странный горловой звук, чем-то напоминающий кваканье лягушки.

– Я Аргилай единственный в мире ученик арт-три! – страшным голосом воскликнул он. – Сейчас ты познаешь всю мощь Огненной Феи.

Купец шагнул в сторону, пытаясь подробнее рассмотреть необычную позу парня и обойти его сбоку. В этот момент Лаи опрометью сорвался с места и, изо всех сил, побежал по дороге, оставив противника стоять в немом недоумении и глотать пыль.

Замок удалось сбить с десятого удара камнем. Дверца легко открылась. Из фургона пахнуло целым букетом зловонных ароматов застарелого туалета и давно нестиранной одежды. Среди кучи объедков, бутылок и старого тряпья на полу, скованные кандалами, лежали четыре молодые девушки. Здесь же стояла закупоренная склянка странного снадобья с сильным запахом. Вероятно, с тем самым сонным зельем, коим Чистогон опаивал пленниц. Все девушки оказались живы и на вид здоровы. Но Трице не удалось их разбудить. Не придумав ничего другого, женщина привязала Луну и Упрямца к фургону. Сама забралась на передок и, взявшись за вожжи, тронула лошадей в обратный путь к лагерю.

Вскоре рыжей женщине присоединился запыхавшийся Аргилай. Но Чистогона ни на дороге, ни в лесу вдоль обочин – найти не удалось. Видимо купец решил не искушать судьбу и не связываться со всей мощью Огненной Феи.

– Что теперь будем делать? – поинтересовался Лаи.

– До деревни недалеко, – пожала плечами Трицитиана. – Отвезем туда девочек и нашего лопухого кастрата. У меня приятель в Жадинах живет. На месте разберемся.

Глава 4 – Слово.

Копыта громко цокали по мощеной битым камнем дороге. Фургон в сопровождении двух всадников и двух лошадей без седоков плавно катился мимо крашенных заборчиков, за которыми виднелись дома с окнами, украшенными резными наличниками. Эти жилища, сложенные из толстых бревен, не шли ни в какое сравнение с хибарками, которые Аргилай видел в Большом Дне.

Прохожие с алчным интересом провожали маленький караван взглядами, прикидывая какие услуги или товары могут понадобиться дорогим гостям. Деревня Жадины располагалась на перекрестье четырех дорог, одна из которых вела напрямик в столицу королевства. Множество купцов и простых путников, направлявшихся в Тильбон или обратно, нуждались в еде, воде, услугах кузнеца и крыше над головой. Местные жители с радостью готовы были все это предоставить гостям своей деревни. Разумеется, за соответствующую плату. Обычно несколько выше, чем в других деревнях.

– Тормози! – скомандовала арт-три.

Фоня, скрючившийся на передке повозки, натянул поводья, и фургон остановился возле высокого забора, собранного на манер частокола из отесанных стволов деревьев, заостренных к концу. За забором виднелся яблоневый сад и черепичная крыша большого двухэтажного дома, который смотрелся зажиточно даже по меркам деревни Жадины.

– Ничего себе у тебя друзья! – поразился Аргилай, рассматривая красивое деревянное строение. Высота Упрямыца позволяла юноше беспрепятственно разглядывать то, что находилось за высоким забором. – По бохатому. – оценил он.

– Не то, чтобы друзья, – отмахнулась женщина, спешиваясь с белогривой кобылы и подходя к высоким воротам, украшенным такими же резные наличники, как и окна дома. – Так – деловые партнеры. – пожалала она плечами и громко постучала в деревянную створку. – Открывай, Питюня!

Со двора залаяла собака. Судя по голосу животное, не слишком уступало размером лошади. Лаи автоматически потянулся к кинжалу на поясе. Фоня испуганно завертел головой.

– Не напрягайтесь, – успокоила спутников Трица. – Щедрый Пит своего волкодава на нас не спустит.

– Кто там? – раздался из-за ворот молодой мальчишеский голос.

– Меня зовут Трицитиана. – представилась рыжая. – Питу передай. Он меня знает.

– Мастер Пит ушел в свою гостиницу, – ответили из-за забора. – Езжайте туда.

– А Агнесс? – спросила женщина. – Жена его дома? Нам бы фургон во двор завести, чтобы на улице не стоял.

– Я доложу о вас. – ответил мальчик.

Агнесс оказалась миловидной женщиной средних лет с красивыми зелеными глазами и певучим грудным голосом. Она сразу вспомнила деловую партнершу своего мужа – Трицу, и перед путниками гостеприимно распахнулись ворота. Мальчик-слуга, возрастом чуть младше Аргилая, принял лошадей и показал, куда можно поставить повозку. Арт-три в двух словах рассказала Агнесс о недавнем происшествии в пути и о спящих пленниках внутри фургона. Хозяйка богатого дома посокрушалась о несчастных похищенных девочках и посоветовала скорее отправляться в гостиницу за ее мужем. А заодно сбегать за кузнецом, чтобы решить вопрос с кандалами и за знахаркой, чтобы попытаться разбудить пленниц.

– Я в гостиницу, поговорить с Питом. – решила Трица. – А ты, – указала она на Лаи. – Тащи сюда кузнеца. Затем сгоняй за лекарем.

– Уехал наш лекарь. – пожаловалась жена Щедрого Пита. – Вторую неделю к ведьме с хворями ходим.

– Ведьма? – удивилась рыжая и брезгливо поморщилась. – Ну, пусть будет. Где искать ведьму?

– Так Совенок проводит. – заверила Агнесс. – Прогулка пойдет ему на пользу. А то последнее время совсем тоскливый ходит.

Мальчик-слуга покорно кивнул.

До кузнеца добрались быстро. По дороге Аргилай попытался разговорить Совенка. Но тот лишь мрачно кивал в ответ или коротко отвечал: да, родился в Жадино, да работает у Щедрого Пита, да, все в порядке.

Общение не принесло Лаи ни удовольствия, ни полезной информации. С таким же успехом он мог бы болтать с Упрямцем. Тот тоже неплохо умел кивать головой и изображать, что слушает собеседника.

Добрались до кузнеца, может и быстро, да, как оказалось совершенно без толку. Во дворе бревенчатого одноэтажного домика, собралось человек пятнадцать – очередь. Кому лошадь подковать, кому хозяйственный инвентарь поправить. Ближе всего к калитке стояли две старушки. Одна со сломанным ухватом, другая с медной сковородой, на первый взгляд совершенно целой.

Юноша понял, что обречен, провести здесь достаточно долгое время. А ведь завтрак был так давно.

– Кто последний? – без всякой надежды, спросил он.

– Ты последний, – недовольным тоном ответила старушка со сковородой. – А я крайняя. За мной значит будешь.

Лаи озадаченно пробормотал:

– А какая разница.

– Одна дает, иная – дразнится. – раздраженно передразнила старуха. – Беду накличешь.

Юноша в поисках поддержки посмотрел на Совенка, но тот отрешенно глядел в пространство. Тяжело вздохнув, Лаи сел на траву в конец очереди. Благо денек стоял погожий. Обладательницы сковороды и ухвата, тем временем потеряли всякий интерес к новоприбывшим и продолжили свою беседу, которая была явно более увлекательной и продуктивной, чем попытки Аргилая заговорить с Совенком.

– Я ж те говорю – сама видела. Паутина колодцы затянула в деревне. А хлеб, как не меси все кислый выходи и молоко горчит. Точно тебе говорю – все приметы сходятся. Война грядет! – горячо закончила уже не крайняя в очереди бабка.

– Да отколь война-то, – отмахнулась ее собеседница. – Кому нападать? Кому мы старые нужны.

– Знамо дело, – авторитетно продолжила первая старушка и покачала в воздухе сковородой. – Вся беда приходит с юга. От ентих южан беды только и жди.

– Чу, – удивилась вторая. – Ты про Хадна-ар этот талдычишь что ля? Так там всегда война.

– Сама ты талдычишь. А я про приметы тебе толкую.

Лаи посмотрел на дверь кузницы. Та оставалась закрытой с того моменты, как он встал в очередь. Никто в нее не входил, но и никто не выходил.

– Простите, – юноша встрял в разговор бабок. – Вы давно стоите?

– С утра, милоч. – улыбнулась беззубым ртом старушка с ухватом.

– А очередь быстро двигается? – теряя последнюю надежду закончить дела до обеда, уточнил Аргилай.

– Пока только растет. – добродушно кивнула беззубая и вернулась к беседе со своей подругой.

Лаи озадаченно почесал в затылке. Ухваты, подковы и сковородки – это конечно важно, но четыре девушки, мающиеся в кандалах куда, как важнее – решил юноша. Он встал, собрался с духом и героически ринулся в атаку. От такой безудержной смелости могли померкнуть все подвиги легендарных героев прошлого.

– Милые дамы, разрешите, я пройду. – выпятив вперед грудь и развернув плечи, он сделал уверенный шаг вперед. – Мне только передать послание.

Добродушие с бабки, как ветром сдуло. Улыбка померкла на морщинистом лице. Старушка взяла наизготовку сломанный ухват, не хуже, чем Трица брала свое копьё, готовясь к бою.

– Куды!? – вскричала обладательница сковородки и подняла свою посуду, являющуюся неплохим ударным оружием. – Передать ему. Всем только передать. Смотрите, какой передаст, нашелся!

– Вы не понимаете, – попытался объяснить юноша. – Это вопрос жизни и смерти! Девушек надо спасти!

– Да и мы сюда пришли не ерундой потрясти. – пробасил здоровый мужик, держащий под уздцы хромающую кобылу. – Мир не ограничивается твоими проблемами, парень. Тут через одного вопрос жизни и смерти. Так, что встань в очередь и жди, как все.

– Я вот лекарства из города везу. – сообщил почтенный пожилой господин в длинном одеянии с фестонами в форме дубовых листьев. – Телега сломалась – без новой ступицы никак до деревни не доберусь. А там, молодой человек, люди умирают.

– А мне крючки треба! – встрял в разговор худой крестьянин в грязной одежде. – Рыбы в озере наловлю. Детишек накормлю. Третий день голодают.

Другие участники очереди поспешили присоединиться к акции «Расскажи миру о своих проблемах» и не сразу заметили лысого крепыша с бородой, заплетенной в косу, который стремительно пробирался сквозь толпу к заветной двери.

– Енто держите! – завопила старушка, воинственно размахивая медной сковородой. – Лезет же! Лезет без очереди!

– Куда прешь, плешивый!? – угрожающе пробасил здоровый мужик с хромой кобылой. – Тут общество приличное – за такие дела и по морде отхватить запросто.

– Что значит: куда пру? – нахмурился бородатый.

– Встань в очередь, как все! – властительным тоном приказала старушка и стукнула ручкой ухвата по земле.

– Что значит: в очередь? – окончательно опешил лысый.

– Здравствуйте, мастер Коваль, – внезапно подал голос Совенок, здороваясь с новопривывшимся мужиком. – Щедрый Пит просит Вас срочно зайти к нему домой.

– Вот как? – удивился кузнец с бородой, заплетенной в косичку. – Домой просит? Видать дело важное.

Люди в очереди ошарашено переглядывались. До них медленно доходило, кого они сейчас пытались не пропустить в кузню.

– Очень важное. – кивнул Совенок. – Он ждет.

– Тогда я намерен отправиться к нему сейчас же. – заверил мастер Коваль. – Только инструменты захвачу.

Очередь разочарованно вздохнула. Похоже, ждать теперь предстояло еще очень долго.

Ведьма жила в маленьком покосившемся домике на самом краю деревни. Дорога до этой загадочной личности, год тому назад перебравшийся в Жадины из какого-то захолустья, шла вдоль берега большого озера. Водная гладь, подернутая легкой рябью, задорно искрилась сол-

нечными бликами. В кронах высоких деревьев щебетали птицы. Вытоптанная множеством ног тропинка, среди высокой травы, не вела прямо к домику ведьмы.

– С кузнецом забавно получилось. – оценил Аргилай. – Ты с самого начала знал, что его нет в кузне.

– Догадывался. – пробубнил Совенок. Парень все так же был погружен в себя и вяло реагировал на вопросы.

– Похоже, Щедрый Пит пользуется большим уважением в Жадинах. – Лаи попытался развить разговор, который все больше смахивал на разговор с самим собой. – Твой хозяин большая шишка?

– Он мне не хозяин! – вспыхнул Совенок. Собеседник явно затронул болезную тему. Но мальчик-слуга быстро остыл и к немалому удивлению юноши сам задал вопрос. – А куда вы едете?

– На море, к родственникам. – расплывчато, но честно ответил Аргилай, которого происшествие с Чистогоном научило не доверяться малознакомым людям.

– А в нашем селе надолго?

– Не знаю, – пожал плечами Лаи. – Но задерживаться не планировали. Девушкам поможем и в путь.

Совенок кивнул, что-то уясняя для себя. Оставшийся путь спутники проделали в привычном молчании.

Когда впереди показался приземистый бревенчатый домик с земляной крышей, Аргилай смачно выругался. Здесь тоже стояла очередь. Вернее, сидела. Пятеро крепких бритоголовых парней расположились на грядках небольшого огородика, прямо перед дверью избышки.

– Кто крайний? – спросил Аргилай, памятуя ценные наставления бабки со сковородой.

– А никто. – ответил парень с косым шрамом на лбу. Он с усмешкой посмотрел на своих бритоголовых собратьев. – Верно парни?

Те, посмеивались, закивали в ответ.

Но Лаи вынес ценный урок из случая с кузнецом. Потому юноша не стал сразу ломиться в закрытую дверь домика ведьмы, а очереди вопрос.

– Ведьма дома?

– Дома, – ответили ему. – Где ж еще, нахрен, быть.

Юноша с благодарностью кивнул и решительно подошел к двери. Вежливо, но настойчиво постучал. Никакого ответа. Постучал еще раз. Опять ничего, кроме смешков за спиной. Тогда Лаи дернул за ручку. Безуспешно – дверь оказалась заперта.

– Ведьма точно дома? – повернувшись к бритоголовым, уточнил Аргилай.

– Я те свистуля, шо ли, – с наигранной враждебностью ответил парень со шрамом. – Дома она. Стучи, давай.

Юноша кивнул, повернулся обратно к двери и в очередной раз постучал.

– Уважаемая ведьма, – громко позвал он. – Нам срочно требуется Ваша помощь. Это вопрос жизни и смерти!

– Пусть эти уйдут. – прозвучал приглушенный ответ из-за двери.

Лаи растерянно почесал в затылке и опять повернулся. Вообще ему переставала нравиться эта игра в юлу. Все крутится и крутится, то к двери, то к очереди.

– Хочет, чтобы вы ушли. – извиняющимся тоном сообщил он.

– А хрен мы уйдем! – с вызовом отозвался все тот же парень со шрамом. Он явно являлся главным в этой компании любителей стрижек «под колено». – Ведьма монет должна. – сообщил он. – У Глюка хвороба случилась – икал не переставая, спасу найти не могли. А эта коза с нас за снадобье содрала втридорога. Только ни хрена не помогло.

– Врет, – раздалось из-за двери. – Помогло!

– Да какой нахрен помогло! – возмущенно закричал парень со шрамом и даже встал с грядки. – С нужника третий день не встает, икнуть боится.

– А нечего с самогоном мешать. – отозвалась ведьма. – Я говорила.

– Закройся нахрен! – взвился парень. – Сюда иди! Сидит она там.

– Ребят, – робко попросил Аргилай. – А может, вы на время оставите ее в покое? Например, Глюка проведаете? Нам очень нужна помощь ведьмы.

Главарь бритоголовых нахмурился и вразвалочку подошел к Аргилаю. Угрожающе придвинулся и навис над ним.

– Думаешь если из города приехал, то самый нахрен умный?

Его окликнули с грядок:

– Эй, Зубочистка, остынь. Пусть валит.

– Пошел ты, – не поворачиваясь, огрызнулся парень со шрамом. – Он с ведьмой заодно, небось. Тоже пришлый.

– Я не из города, – попробовал выкрутиться Лаи. – Я с Большого Дна приехал.

– Да хоть из задницы вылез! Мне вообще похрен!

Понимая, что слова тут уже не помогут, Аргилай решил отправиться за подмогой в виде Трицы и попытался протиснуться мимо главаря, который загоразживал ему путь к отступлению от дома. Этот рослый и крепкий противник явно был ему не по зубам, тем более с компанией своих товарищей. Но Зубочистка не собирался так быстро заканчивать свое развлечение, на котором планировал отыграть за неудачу с ведьмой. Он грубо толкнул парня и приказал:

– Стой, где стоишь, нахрен! Я с тобой не закончил.

– Мне не нужны неприятности. – примирительно сказал Лаи и опять попробовал обойти бритоголового, но вновь получил сильный толчок в грудь и отлетел обратно к двери.

– Смелый, что ли? – самодовольно ухмыльнулся парень со шрамом и смачно плюнул под ноги юноше. – Давай один на один.

Аргилай затравленно огляделся, ища пути к отступлению. Но помощи ожидать было неоткуда и не от кого. Трица не явится к домику ведьмы, проверить как там ее наниматель и не заколдовали ли его. В итоге все возможные варианты сводились только к одному неприятному – придется драться. Вернее – получать по лицу. Лаи вздохнул и попытался вспомнить все, чему научился за время тренировок у своей рыжей спутницы.

Но внезапно на выручку пришел Совенок. Он громко промолвил:

– Зубочистка, тебя Щедрый Пит к полудню на мельнице ждет.

– Че? – удивился парень со шрамом, не поворачиваясь к собеседнику, чтобы не упустить свою жертву, которую он собирался хорошенько поколотить. – Вчера же нахрен ходили.

– Мне передать, что ты отказался? – уточнил Совенок.

Зубочистка раздосадовано выругался и махнул рукой своим товарищам:

– Пошли, парни. Потом развлечемся.

Проводив бритоголовую компанию взглядом, Лаи с облегчением перевел дух, а затем удивленно взглянул на своего спасителя и спросил:

– Ты ведь им соврал? Щедрый Пит сейчас в гостинице, а потом пойдет к себе домой.

– Соврал. – безразлично согласился мальчик-слуга.

– Спасибо. – искренне поблагодарил Аргилай и осведомился: – У тебя не будет неприятностей?

– Будут. – кивнул Совенок.

– Я поговорю с Трицей, она наверняка сможет объяснить Питу ситуацию и все разрешится. – пообещал Лаи, пытаясь найти, выходя из сложившейся неприятной ситуации.

– Ничего не разрешится. – покачал головой тот. – Мне нужно бежать из села. Помогите мне. – он впервые прямо посмотрел на собеседника своими большими темными глазами и

с пылом затараторил. – У вас две свободные лошади, возьмите меня с собой до Тильбона. Прошу! Мне очень нужно!

– Хорошо, – от неожиданности легко согласился Аргилай. – Подходи завтра к конюшне.

– Нет, – качнул головой Совенок. – Я спрячусь в лесу. У дороги возле озера большая старая ива. Завтра я буду ждать вас там.

– Договорились. – кивнул Лаи.

Мальчик собрался было уйти, но остановился и с волнением посмотрел на Аргилая.

– Дай слово. – попросил Совенок. – Дай слово, что отвезешь меня в Тильбон.

– Даю слово.

Совенок немного расслабился. Еще раз взглянул на собеседника и, нервно улыбувшись на прощание, быстро побежал к лесу.

Аргилай какое-то время смотрел в спину уходящему мальчишке, а потом пожал плечами и решил вернуться к делу, за которым сюда пришел. Он развернулся к злополучной двери, возле которой чуть было, не получил на орехи, поднял кулак и постучал.

– Открывай, ушли они! – сообщил юноша.

За дверью послышалась какая-то возня и стук отпираемого засова. Дверь слегка приоткрылась, и из темной щели на Аргилая уставился глаз. Ведьма, некоторое время, молча, рассматривала гостя. Затем она испуганно вскрикнула и попыталась захлопнуть дверь. Но Лаи был готов к подобному повороту событий и заранее поставил ногу между косяком и дверью, исключая закрытие последней. Потерпев неудачу, ведьма оставила попытки выставить гостя на улицу и, судя по топоту, убежала вглубь дома.

– Ну, началось! – раздосадовано, всплеснул руками юноша и зашел в дом. – Не бойтесь, бритоголовые ушли. Тут только я!

С яркого света в избушке казалось слишком темно. Неприятно пованивало гнилью и затхлостью. С потолка свисали различные предметы, прямо говорящие о профессии хозяйки. Здесь имелось именно то, что представляют себе обычные люди при слове «дом ведьмы»: пучки травы на веревочках, высушенные грызуны, подвешенные за длинные хвостики, гирлянды из маленьких косточек и фигурки человечков, связанные из веточек. Аргилай ничего не знал о ведьмах, колдовстве и прочей магической ерунде, но ему почему-то казалось, что все это развешено исключительно с одной целью – в качестве украшения. Сложно было вообразить себе, что все эти поделки могут нести в себе какую-то практическую пользу, кроме сбора пыли и рассадника плесени.

– Зачем ты пришел ко мне? – из дальнего темного угла прозвучал вопрос неприветливым, но на удивление молодым женским голосом.

Лаи опасно огляделся по сторонам и неуверенно произнес в ответ:

– Вот и я об этом задумался – нафиг я вообще сюда приперся.

Ведьма, словно, не услышав его ответа, продолжила:

– Что ты меня преследуешь? Что я тебе плохого сделала?

– Да пока вроде ничего. – удивился юноша. – Нам Ваша помощь требуется. – начал объяснение юноша. – Мы спасли четырех девушек от работорговца. Но не можем разбудить. Негодяй опоил их сонным зельем. А поблизости кроме Вас нет лекаря.

– Девушки? – недоуменно пробормотал голос из темноты. – Лекарь требуется!? – произнесла ведьма чуть более уверенным тоном, выходя на свет. – Разумеется я помогу вам. – сообщила она и приосанилась.

Юноша с интересом рассмотрел собеседницу: молодая женщина с круглым, щекастым лицом, ростом невысокая, наряженная в бесформенную помятую одежду с нашитыми разноцветными лоскутками ткани. Ведьма смотрела на гостя одним зеленым глазом. Второй глаз, того же цвета, сильно косил и создавалось впечатление, что он смотрит куда-то в сторону.

– Где твои спящие красавицы? – с важным видом осведомилась ведьма.

– В доме Щедрого Пита. – ответил Аргилай. – Я провожу.

Косая кивнула и прошествовала в сторону двери. В светлых волосах, заплетенных во множество косичек разноцветными нитками, позвякивали медные бубенцы и болтались перышки.

Спящих девушек разместили на одеялах, расстеленных на полу в просторной комнате. Ведьма внимательно осмотрела своих пациенток. У каждой приподняла веко, открыла и понюхала рот, ощупала руки, ноги и животы. За всей этой сомнительной процедурой с большим интересом, приправленным капелькой надежды, но уже с душком скептицизма, наблюдали: Трицитиана, Аргилай, Фоня, Агнесс и седой, полноватый мужчина с умным, гладко выбритым лицом – Щедрый Пит.

– Цветы можжевельника, – ведьма нараспев продекламировала ингредиенты необходимые для создания спасительного лекарства. – Лапки могильных червей, порошок из рога черного жеребца, дождевая вода, не коснувшаяся земли и слюна скопца. – закончила она, а затем многозначительно добавила. – Если у вас нет какого-то из ингредиентов, то я готова продать его вам по сходной цене.

– Салатик получится так себе. – оценила Агнесс.

– А слюна скопца, у нас найдется, – Лаи задумчиво постучал пальцем по губам, поглядывая на несчастного Фоню.

– Гоните ее взащей! – подвел итог лечения, Щедрый Пит. – Я же сказал, что она шарлатанка! Совенок, проводи шельму вон отседова!

Но мальчик-слуга не пришел.

Пит разозлился еще больше.

– Куда подевался этот ленивый мальчишка?

– Я провожу ведьму. – вызвался добровольцем Аргилай, прекрасно зная куда подевался Совенок.

– Спасибо парень. – поблагодарил хозяин дома, а затем обратился к жене. – Агнесс, любовь моя, принеси малахитовую шкатулку с нюхательной солью.

– Конечно, дорогой, сейчас принесу. – женщина успокаивающе погладила супруга по руке и вышла из комнаты.

А на улице уже наступил вечер. Солнце зашло за горизонт, в темнеющем небе зажигались яркие звезды. Над кустами смородины во дворе дома Щедрого Пита вились стайки бледной мошкары. В траве стрекотали цикады. От соседских домов тянуло запахом дыма и готовящегося ужина.

Аргилай с шумом отодвинул засов на воротах и приоткрыл створку, выпуская женщину с перьями и бубенцами в волосах со двора на улицу.

– Простите, что побеспокоили. – на всякий случай решил извиниться юноша, чтобы как-то сгладить ситуацию. – Мастер Пит вероятно не сторонник народной медицины.

Ведьма вышла за ворота, остановилась и повернулась к собеседнику. Ее глаза удивительным образом перестали косить. Она прямо и выразительно посмотрела на юношу и неожиданно заговорила совсем иным, чем раньше, голосом. Теперь в нем не было певучести и некой наигранности. Теперь женщина говорила искренне, а не играла роль.

– В доме моих родителей был очень скрипучий пол. Из-за этого, если кто-то ночью ходил по дому я часто просыпалась. Сейчас живу одна. Но неделю назад я проснулась ночью от скрипа половиц. Открыв глаза, я замерла от страха. Рядом с постелью стоял страшный скрюченный старик. Он был сед, бородат, одет в какой-то грязный халат, а глаза горели странным фиолетовым огнем. Меня словно парализовало, я не могла пошевелиться. Старик беззвучно засмеялся, и повернулся к противоположной стене. Та моментально стала ярко красной, послышался шум и голоса. Я увидела огромный город. Он был в огне. Все полыхало и дымилось. Камен-

ные мостовые плавались и превращались в багровые реки. Пруды и фонтаны в горящих парках кипели и испарялись клубами пара. Среди криков ужаса и рева пламени я расслышала страшный голос. Целиком фразу расслышать не удалось, но несколько слов я услышала четко и запомнила: «солнце потухнет, камень потечет, алтарь обогреться кровью, мир покроет пепел».

Аргилай какое-то время удивленно смотрел на женщину, переваривая услышанное, а потом сообразил, что от него ждут, и с сожалением произнес:

– У меня денег нет, заплатить нечем.

Ведьма моргнула, затем тряхнула косматой головой, так, что перышки встрепенулись, а бубенцы издали мелодичный звон.

– На улице горящего города я видела тебя. – тихо произнесла она и резко развернувшись, зашагала прочь в сгущающуюся тьму.

Ошарашенный Лаи проводил взглядом фигуру странной женщины. А когда та растворилась в ночи, юноша закрыл ворота, запер засов и вернулся в дом. Он решил, что позже обдумает этот случай и быть может, расскажет о нем Трице. Сейчас следовало заняться более насущными делами.

И конечно необычный случай со временем улетучился у него из головы, давая места другим важным заботам и приключениям.

Нюхательная соль реально оказалась гораздо эффективнее сомнительной помощи ведьмы с ее заковыристыми рецептами. Когда Аргилай вошел в комнату, три из четырех девушек уже очнулись. Агнесс отпаивала их водой, а Щедрый Пит колдовал со своей шкатулкой над четвертой. Судя по взволнованно переминавшемуся с ноги на ногу Фони – эта девушка являлась той самой Риночкой.

– Она не спит, – мрачным голосом вынес приговор хозяин дома, с громким звуком хлопнув малахитовую шкатулку и поднявшись на ноги. – Мертва. – тяжело вздохнул он и с ненавистью посмотрел на Фонию. – Не вынесла той отравы, которую вы вливали в нее!

Бывший охранник каравана в ужасе отшатнулся от гнева Пита. Закрыл руками лицо и заплакал.

– Это не я, – сквозь рыдания пробубнил Фоня. – Это все Чистогон. Все он. Будь он проклят!

Аргилай недоуменно посмотрел на Трицитиану. Та стояла, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, оставаясь, подозрительно спокойной и безучастной к столь печальным известиям. Да и не могла арт-три ошибиться, когда накануне осматривала пленниц. Все четверо в тот момент были еще живы.

Девушка, объявленная мертвой, неожиданно чихнула, а Щедрый Пит громогласно захохотал.

– Смотри-ка – действительно влюблен! – утирая слезы, нахмурившись от смеха, воскликнул он, указывая на перепуганного Фонию. – Вот же дуралей. Полюбовничек!

Дуралей в это время вырвал из рук Агнесс кружку с водой и бросился к очнувшейся девушке, попытался напоить. Но та испуганно отстранилась от бывшего охранника и воскликнула неприятным капризным голоском:

– Пошел вон, чурбан неотесанный! Никогда не смей ко мне приближаться!

– Но ты говорила, что любишь меня, – жалостливо пискнул бывший охранник каравана. – Говорила, что хочешь от меня детей!

– Конечно, – с ненавистью ответила девушка. – Я была готова на все ради побега!

– Вот и сказочке конец. – кисло усмехнулась Трица, отлепляясь от стены и направляясь в сторону лестницы. – Лаи, нам наверху постелили. – на ходу бросила она, а потом добавила уже у самой лестницы. – Рекомендую ложиться спать – завтра рано выезжаем.

Аргилай окинул взглядом приходящих в себя пленниц. Агнесс возилась с ними, как с собственными детьми, предлагая воды, еды и помогая подняться на ослабевшие ноги. Похоже, его помощь тут не требовалась, а потому Лаи решил воспользоваться дельным советом Трицитианы и тоже отправился на боковую.

Утром следующего дня путники покинули село Жадины.

От вчерашней солнечной погоды не осталось и следа. Небо заволокли низкие тучи. На востоке гремело. Похоже, приближалась гроза и сильный ливень.

Теперь по дороге двигались не два, а четыре скакуна. Двое с всадниками и двое без. Коней, доселе принадлежавших охранникам каравана, нагрузили провизией и пожитками, которые прибрели на деньги, вырученные с продажи фургона Чистогона. Щедрый Пит с радостью приобрел его.

Девушек оставили в деревне, под присмотром заботливой Агнесс. Когда бывшие пленницы восстановят силы и окрепнут, Пит обещал выделить людей, которые проводят девушек в их родные села. Если те конечно не пожелают остаться в Жадинах. Благо женихов в деревне хватало с избытком. Молодых, горячих. С некоторыми из них Лаи даже успел познакомиться у домика ведьмы.

Судьба Фони мало кого беспокоила. Рина сходу отвергла незадачливого влюбленного и более не желала его видеть, как напоминание о тяготах, перенесенных в плену. Щедрый Пит снабдил лопухого мужчину мешком сухарей и выставил за ворота, напутствовав, что тот легко отделался и ежели еще раз будет замечен в Жадинах, то ему несдобровать.

В черно-синей туче сверкнула молния. Аргилай мысленно начал отсчет, дожидаясь раскатов грома. И дождался. Прикинул в уме полученный результат и сделал вывод, что гроза еще далеко, хотя и быстро приближается.

– Ты доверяешь Щедрому Питу? – спросил Лаи, с беспокойством продолжая поглядывать на небо и прикидывая, а не пройдет ли буря стороной.

– А что? – вопросом на вопрос ответила Трица, с подозрением приподняв, рыжую бровь.

– Ты с такой легкостью доверила ему распорядиться судьбой спасенных девушек. – пояснил юноша.

– Знаешь, – задумчиво промолвила рыжая женщина. – Я бы не доверила Питюне большую сумму денег. Но вот жизни девушек. Тут я не беспокоюсь.

– Это почему? – не понял юноша.

– Да как объяснить... – Трицитиана взмахнула рукой, подбирая слова. – Такой тут склад ума у людей. О своих заботятся.

– В смысле?

– Я много путешествовала и поняла, что у людей в разных странах разные понятия о совести и чести. На юге, например, мужчина готов и собственного ребенка, и жену в качестве долга отдать, если того требует честь. А здесь на севере все в точности до наоборот. Людей ценят больше чем деньги. Долг можно и не отдавать, а вот о человеке, даже о чужом позаботятся в случае беды. На севере жизнь более сурова, зато люди человечнее. Я уверена, что Питюня хорошо поступит с девушками. Не обидит. А вот южанину бы я конечно в этом вопросе не доверилась.

Как это всегда бывает перед бурей – в воздухе разливался запах свежести. Ветер раскачивал верхушки деревьев, трепал гривы коней и волосы путников.

– Не в самое удачное время мы выехали. – заметила Трица. – Возможно, стоит вернуться в деревню и переждать бурю.

– Нельзя нам возвращаться. – тихо промолвил Аргилай, делая максимально невинное лицо.

– Это почему?

Лаи замялся, размышляя, как преподнести спутнице новость.

– Ты сейчас так хорошо о заботе, о людях говорила.

Женщина почуяла неладное и с беспокойством посмотрел на собеседника. Тот продолжил:

– Помнишь Совенка?

Трица молчала и лишь жгла юношу холодным взглядом голубых глаз.

– Я ему слово дал, что мы сегодня возьмем его с собой до Тильбона. У нас есть лишние лошади.

– Ладно. – безразлично пожала плечами арт-три и отвернулась.

Аргилай немало удивился:

– И все? Ты согласилась?

– Конечно. – кивнула наемница.

Юноша облегченно выдохнул и расслабился. Он никак не ожидал, что этот разговор пройдет настолько просто и гладко. Хотя осадочек подозрения и беспокойства все же остался.

Впереди блеснуло озеро. По поверхности воды от сильного ветра бежали волны, искажая отражение грозных облаков. Не зная, как продолжить разговор и что еще сказать, Лаи стал высматривать большое дерево на берегу.

По дороге, навстречу всадникам двигалась группа из нескольких человек. Впереди вышагивал печально знакомый юноше Зубочистка. За ним – четверо крепких ребят, двое из которых за шкуру волокли избитого Совенка.

– Этот, что ли, наш пассажир? – указала арт-три на избитого мальчика-слугу.

Лаи нервно кивнул и неуверенно спросил:

– Ты знала, что так будет?

– Были мысли. – фыркнула рыжая.

Когда до бойцов Большого Пита оставалось несколько шагов, Трица окликнула их:

– Здорова, Зубочистка! Что за дела?

Крепкий парень со шрамом на лбу, уважительно поклонился воительнице.

– Доброе утро, Огненная Фея. – поздоровался он и указал на избитого Совенка. – Раб Щедрого Пита. Удрать пытался. Насилу поймали.

– Я не раб! – пискнул Совенок и попытался вырваться, но парни держали крепко.

– Заткнись, нахрен! Ты раб и неблагодарная свинья. – Зубочистка отвесил мальчишке смачный подзатыльник, да так, что у того клацнули зубы. – Батя твой – должник! И ты принадлежишь мастеру Питу, пока папаша монеты нахрен, не вернет! Я те, заразе, доверял. А ты, паскуда, бежать удумал? Тварь!

Аргилай многозначительно глянул на Трицу и уточнил:

– Что ты там говорила про человечность северян, деньги и прочее?

Женщина скорчила рожу и отвернулась.

– Мне в Тильбон надо, – заверещал мальчик-слуга. – Ты же знаешь, Зубочистка!

– Забуди её!

Трица тронула Луну пятками, посылая шагом, и на ходу кивнула парням:

– Бывайте. Питюне – привет.

– Что!? – опешил Аргилай, не веря происходящему. – Мы вот так просто уедем?

Женщине пожала плечами и, не оборачиваясь, ответила безразличным тоном:

– Не мое дело. Я тебя нанималась довести. Не его.

Шестерка путников миновала всадников и продолжила путь обратно к деревне. Трица неспешно ехала дальше по тракту. Лошадки с поклажей плелись за ней. А Лаи никак не мог решиться и отвернуться от удаляющейся спины Совенка, тронуть Упрямца пятками и продолжить путь. Ведь он обещал доставить мальчишку в Тильбон. Дал слово. Впервые в жизни дал. И чего будет стоить его слово, если сейчас он его нарушит. Если отвернется и поедет дальше, делая вид, что ничего не случилось и это не его дело, так же как не дело Трицы, не дело всех остальных живущих в деревне, кто изо дня в день видит страдания парня, обреченного быть рабом за долг отца.

Юноша сжал зубы, зажмурился и спрыгнул с коня, словно прыгал не на дорогу, а в глубокую пропасть.

– Эй, Зубочистка! – крикнул он. – А ну стой. Ты один на один хотел и сбежал. Сдрейфил что ли?

Зубочистка остановился. Повернулся. Его лицо со шрамом на лбу не предвещало ничего хорошего.

– Ты че, нахрен, сказал?

– Я сказал, что дал слово Совенку отвезти его в Тильбон. И ты отдашь мальчишку мне, если я смогу побить тебя один на один.

– Эка важна птица – курица! – криво ухмыльнулся Зубочистка, разминая мускулистые плечи. – Ну, а ежели я тебя урою?

Лаи на мгновение растерялся, но отступить уже было поздно – он прыгнул в пропасть и возврата не наблюдалось.

– Если побьешь меня – забирай коня!

Бритоголовые одобрительно зашумели, обсуждая коня и призывая Зубочистку соглашаться на сделку. Главарь поднял руку, принуждая всех заткнуться.

– Умный, что ли? Обдурить хочешь? У тебя конь боевой. Он либо, нахрен, убежит, либо покалечит меня. Стреножь его и привяжи к дереву.

– Договорились. – кивнул Лаи, взял Упрямца под уздцы и повел коня к дереву.

– Не дури, дубина! – забеспокоилась Трица. – Зубочистка отличный боец, он размажет тебя.

– Я слово дал. – мрачно ответил Лаи, взял веревку и связал передние ноги Упрямца.

Гром с треском разорвал небо над головами. Молнии ударили совсем близко – почти над озером. Перепуганные лошади прижимали уши, ржали и рвали поводья. С неба упали первые капли дождя.

Аргилай понятия не имел, что такое кулачный бой и как в нем драться. Но постарался принять стойку, в которой, по его мнению, смотрелся не слишком комично.

Трица закатила глаза и провела ладонью по лицу.

Противник стоял, вальяжно опустив руки, и ухмылялся уголками рта. Вероятно, в своих мыслях он уже сидел верхом на драгоценном Фельдбонском скакуне.

Бой начался без предупреждения. Да никто и не уславливался, что будет команда. Лаи прыгнул вперед и нанес прямой удар левой рукой, целясь в лицо сопернику. Свистун даже не стал поднимать руки. Легким движением корпуса он уклонился от удара. Лаи атаковал правой, затем вновь левой, потом еще и еще. Противнику пришлось двигаться. Он легко уходил от ударов или ловко подставлял под них плечи. Но руки так и не поднимал.

– Хорош танцевать, – крикнули из группы бритоголовых. – Дерись нормально!

Аргилай на мгновение отвлекся, пытаясь определить, кто кричал. И тут же пропустил сильный удар в ухо. Линия горизонта, подернутая грозowymi тучами, заколебалась. Ноги подкосились, юноша оступился, но не разрешил себе упасть. Зубочистка тут же пнул противника в живот, выбивая дыхание и заставляя согнуться пополам. А потом нанес удар коленом в лицо.

Лаи растянулся на земле, пытаясь восстановить дыхание. Разбитый нос страшно болел, а из обеих ноздрей текла кровь.

Зрители засмеялись над поверженным юношей и, криками поддерживая своего бойца. А Трица безнадежно качала головой.

– И даже, нахрен, не вставай! – Зубочистка плюнул на лежащего перед ним противника.

Но Лаи подтянул под себя нога и резко поднялся. Сразу ринулся в атаку, рассекая воздух размашистыми ударами, ни один из которых не достигал цели. Противник вновь не атаковал, а лишь вальяжно уклонялся, ловко двигаясь по дороге, мокнувшей под редкими каплями дождя. Бритоголовые свистели и улюлюкали, призывая прекратить кривляться и наконец, разделаться с наглым пришлым выскочкой. Никому не хотелось попасть под ливень.

Неожиданно для всех, включая Аргилая, один из ударов юноши достиг цели. Кулак разбил лысому нос. Зубочистка осоловело, уставился на противника, пошатнулся и, чуть было не упал. Зрители затихли. С неба обрушился ливень. Не веря в свою удачу и уже предвкушая победу, Лаи кинулся вперед, желая добить соперника. Но Зубочистка ловким нырком исчез с линии атаки и, появившись сбоку, нанес сокрушительный удар.

Вспышка. Кто-то выключил свет. Когда свет вновь включили, Аргилай увидел перед своим лицом травинки, мечущиеся под струями дождя. Пинок в живот оказался невыносимо болезненным и заставил юношу сжаться в позу эмбриона. Лаи заскулил от боли, лежа в луже жидкой грязи в которую превратилась дорога.

– Попрощайся, нахрен, со своей лошадкой, петушок. – услышал он над собой голос главаря бритоголовых.

Трица, сидя на Луне, болезненно поморщилась и отвернулась.

– Стой, – прохрипел Лаи и перевернулся на живот. – Я с тобой не закончил. – с трудом выдал он из себя и попытался встать.

Но встать не успел. Зубочистка подскочил к нему, схватил за длинные мокрые волосы и нанес несколько сильных ударов в лицо. Отпустил волосы. Обмякшее тело упало в грязь.

– Заберите его коня! – скомандовал парень со шрамом, втянув разбитым носом кровь.

– Нет! – громко произнесла Трица. Мокрые рыжие волосы прилипли к конопатому лицу. Светло-голубые глаза светились холодным огнем. Высокая и стройная арт-три развернула Луну и угрожающе подняла копьё. – Конь и мальчишка остаются у нас.

Четверо бритоголовых парней почти одновременно выхватили засопожные ножи.

– Стоять, – взревел Зубочистка, останавливая своих бойцов. – Это Огненная Фея!

Желание взять противницу на ножи, моментально скукожилось и превратилось в испуганную неуверенность. Трица в очередной раз порадовалась эффектом, который производят слухи, ходящие о ней.

– Какого хрена? – с обидой спросил Зубочистка. – Был уговор.

– А мне вообще все равно, – пожала плечами рыжая. – Со мной уговора не было.

– Ты нахрен не можешь вот так вот забирать моего коня и мальчишку! Это нечестно!

– Ну, иди, пожалуйста маме на несправедливость этого мира. – посоветовала Трицитиана.

Зубочистка грязно выругался и в бессильной ярости пнул лужу. Во все стороны полетели брызги.

– Щедрому Питу это не понравится. – предупредил он. – Совенок его раб!

– Питюня щедрый, ему не убудет. – ухмыльнулась наемница, а затем добавила более грозным голосом. – Валите отсюда!

Буря закончилась. Птицы громко пели, приветствуя вернувшееся солнышко. Умытый дождем мир дышал обновленной свежестью. Над сверкающим зеркалом озера переливалась всеми цветами радуга, отражаясь в воде.

Четыре коня мерно ступали по размытой дороге. Три насквозь мокрых всадника покачивались в седлах. Они миновали огромную древнюю иву, растущую на берегу. Одна из веток дерева низко свисала над водой и была удобной для того, чтобы сидеть на ней. Почти никто не обратил внимания на эту иву. Дерево и дерево, мало ли их в округе. Лишь Совенок посмотрел на него. И у мальчика сжалось сердце.

Глава 5 – Работа.

В старину, когда на далеком севере еще обитали варварские племена, не признававшие власть короля, река, текущая через центр Хадолы звалась его жителями – Заступница. Заступница, пусть не везде глубокая, но широкая и с опасными омутами, издревле охраняла столицу королевства с севера. Мутная, с болотистыми и топкими берегами река не позволяла ни армии, ни мелким отрядам быстро и незаметно переправиться через свои воды.

Со времен изгнания магов с континента на остров Семи Башен, Хадол не знал крупных войн. Лишь мелкие междоусобные конфликты. Да и те к сегодняшнему дню сошли на «нет» и потеряли свою актуальность. Нынче сильные мира сего предпочитали решать свои конфликты на торговом поприще, а не на ратном поле. Ну, а если и прибегали к помощи меча и топора, то всячески открещивались от этого недоразумения и называли «бандитскими разборами», но никак не войной.

Времена изменились, поменялось и название реки. Некогда гордая Заступница потеряла основную функцию, но осталась все такой же темной и мутной из-за болот на своих берегах. Теперь местные называли реку просто – Муть.

Аргилай стоял возле реки, держа в руках грязный, после сытного ужина котелок, и с сомнением рассматривал топкий торфяной берег, заросший острой осокой. Тихо подошел босоногий Совенок с закатанными до колен штанами. Забрал из руки парня котелок и смело пошлепал по грязи до самой кромки воды. Мальчишка сорвал несколько пучков осоки, скомкал в комок и принялся отмывать котел. Лаи неуверенно поинтересовался, не нужна ли его помощь, но получив отказ, с облегчением вернулся в лагерь.

С того случая в деревне Жадины, когда Аргилай рискнул своим боевым конем и здоровьем, чтобы сдержать слово, Совенок чувствовал себя слегка виноватым. Бывший раб Щедрого Пита при любом удобном случае во всем старался помочь и угодить своему заступнику.

В первое утро своего путешествия мальчик поднялся спозаранку. Он насобирал в лесу земляники и даже раздобыл где-то дикий мед. К тому времени, когда Лаи продрал, затекшие от побоев глаза, его уже ожидали испеченные на камне лепешки с земляникой и медом. Аргилай с благодарностью умял свой завтрак чемпиона, не забыв поделиться с Трицей и нахваливая кулинарные таланты повара. Хотя на самом деле из-за разбитого и заложеного носа совершенно не ощущал ни аромата клубники, ни сладости меда.

– Ты куда? – нахмурившись, спросила Трицитаана, заметив, что Аргилай взял неоседланного Упрямца и повел в сторону реки.

– Искупнуться хочу. – пояснил юноша.

– А конь тебе зачем? – не поняла рыжая.

– Там не берег, а сплошное болото. – пожаловался Лаи. – Пока от воды до лагеря вернешься – так перепачкаешься – все равно, что не мылся. Так я на коне доеду. И он заодно помоется.

– Не гонял бы ты Упрямца в болото, – предостерегла женщина. – Увязнет.

– Плюнь. – отмахнулся Аргилай. – Нормально все будет.

Но Трица не плюнула. Вероятно, именно из-за этого конь и увяз на топком берегу. Насилу достали. Но не целиком. Одно копыто бесследно потеряло подкову. Сколько Лаи не рыскал по вязкой трясине, сколько не шарил руками в липкой зловонной жиже, но драгоценную подкову найти так и не удалось. Канула вместе с надеждой юноши отправиться спать чистым.

На следующий день, покачиваясь в седле Луны, Трица поинтересовалась ни разу не скрывая издевки в голосе:

– Ну как? Нормально все?

– Вполне, – кивнул Аргилай, с самого утра вышагивающий рядом с Упрямецем на своих двоих. – Говорят, пешие прогулки полезны для здоровья.

– В таком случае в ближайшие три дня твое здоровье значительно улучшится. – криво усмехнулась рыжая женщина.

– Не понимаю, – в ответ проворчал Лаи. – Почему не можем переложить поклажу на Упрянца, а я поеду на выючной кляче.

– Потому! – весьма аргументировано ответила Трицитиана. – Коня без подковы нельзя нагружать.

– А меня значит можно? – надулся парень.

– И даже нужно. – заверила женщина. – Ты вообще осознаешь, что подкова под Фельд-бонского боевого жеребца может стоять, как новая кляча?

– Ну, продадим нашего выючного, а поклажу распределим между собой. – предложил Лаи, хотя и ощущал, что не прав и лучше промолчать.

– Я и так собиралась ее продать! – огрызнулась Трица. – Нам еще за паром платить, чтоб Муть пересечь – это раз, – она начала перечислять, загибая пальцы. – Налог за въезд в город на лошадях – это два, за гостиницу – три, и пожрать – четыре.

Женщина показала Аргилаю кулак со всеми загнутыми пальцами, кроме среднего и добавила обвиняющим тоном:

– Вот, что мы получим, а не путешествие. Лично я монетами не гажу, а ты?

– Гадить монетами? Пока не пробовал. – пробубнил Аргилай и решил заткнуться и принять виноватый вид.

– Что же делать? – обеспокоенное спросил Совенок.

– Что делать, что делать... – недовольно проворчала женщина, качая головой. – Работу в Мокрых Булках искать, вот что.

Лаи оступился на ровном месте, и чуть было не упал, услышав название деревни.

– Это какую работу мы будем искать в деревне с таким названием?

– Какую дадут – такую и будем. – мрачно закончила разговор Трицитиана.

Маленькое, но весьма зажиточное село, Мокрые Булки расположилось на берегу реки Муть. Жители села вот уже не первый век обслуживали паром и кормились за счет тех, кому нужно было переправиться на другой берег. А поток желающих в теплое время никогда не иссякал, как и доходы паромщиков. Из-за топкой болотистой почвы на берегу Мути, все немногочисленные дома в селе Мокрые Булки строили на высоких деревянных сваях.

Все три дня, что Аргилай занимался оздоровительными пешими прогулками рядом с Упрямецем – не переставая, лил дождь. Дорога размокла и покрылась глубокими лужами, в которых медленно умирала кожаные башмаки и ноги юноши.

На последнем привале перед тем, как путники прибыли в Мокрые Булки Трица строго проинструктировала своих спутников:

– Как в село приедем, ты Лаи коня к ковалю сразу веди, – она предостерегающе подняла указательный палец. – Но не говори, что конь твой. Скажи – господина твоего. А ты просто слуга.

– Это с чего это вдруг!? – возмутился юноша.

– На отражение свое давно любовался? – осведомилась женщина. – Роба синяя, одет, как нищий, под глазами синяки. Тут народ простой – решат, что коня украл – вздернут без разговоров.

– Слуга, значит слуга. – тут же согласился Лаи.

Женщина кивнула и продолжила:

– Мы в это время нашу вьючную лошадку продать попробуем и в таверну сунемся – узнаем, нет ли работы. – она протянула юноше туго набитый кошелек. – Вот деньги на подкову, постарайся сторговаться подешевле. Сейчас каждая монета на счету.

Аргилай принял кошелек, взвесил его в руке и вздохнул: похоже, грядущий завтра денек предстоял не из рядовых.

И он не ошибся.

– Штошш... Подкуем твоему господину коника, почему ж не подковать. – пообещал бородатый крепкий кузнец, после краткого осмотра копыта Упрямыца и назвал сумму оплаты.

– Ого. – расстроился, Лаи и заглянул в кошелек, который дала ему Трица. – А может подешевле? Мне господин велел монеты беречь. Опять поколотит, коли не выполню его приказ. – не моргнув глазом, приврал он.

– Та куда уж дешевле то? – удивился коваль, упирая крепкие, как бревна руки в бока, прикрытые лишь кожаным фартуком. – Чай для Фельдбонских боевых подковы на дороге не валяются.

– Это как посмотреть. – буркнул себе под нос Аргилай, вспоминая безвозвратно утерянную подкову.

Здоровяк тем временем продолжил:

– Подковку под размер копыта делать буду, по точным размерам, то есть. – он поднял большой палец вверх и назидательно покачал им. – Это цельная наука! Так и передай своему господину. А ежели абы какую подкову хочет, то энто не ко мне. Я на совесть работаю.

– Точно поколотит. – вздохнул юноша, тут же приуныв. – Может помочь Вам как, господин кузнец? Работу, какую сделать? А Вы мне цену скинете. Воды натаскать, дров наколоть – я на все согласен.

Коваль задумчиво почесал бороду.

– Вот пришел бы ты вчера ко мне, сыскал бы тебе работу. Пригнали мне давеча три лодки угля. Разгрузить надобно. Но работник уже имеется. Вчера нанял. Он мне за пол дня пол лодки перетаскал в кузню.

– Так я Вам за оставшиеся пол дня перетаскаю две с половиной лодки! – смело вызвался Лаи, еще не представляя на, что подписывается.

– Ха! – усмехнулся кузнец, оценивающе рассматривая грязного и мокрого собеседника в драной одежде и расплзающихся башмаках.

Мужчина повернулся в сторону двора и громогласно крикнул:

– Ярко, сюды иди!

Высокий мускулистый парень, перемазанный сажей, возрастом на несколько лет старше Аргилая, стремглав прибежал на клич.

– Звал? – спросил он.

– Звал. – кивнул кузнец. – Смотри. – кивнул он на Аргилая. – Малец утверждает, что перетаскает весь уголь из лодок в кузню. И управится до вечера.

Парень смерил Лаи слегка враждебным взглядом и быстро сделал вывод:

– Врет. Не сдюжит. Сопля он.

– Не вру! – заспорил, задетый «соплей» Аргилай. – Об заклад биться готов, что перетаскаю!

Кузнец хохотнул:

– Вот шельма упрямая! Ну, давай забьемся, – он протянул мозолистую ладонь, размером с лопату. – Ежели до вечера весь уголь у меня в кузнице будет, то подкову тебе бесплатно справлю. А ежели нет, то твой господин двойную цену платит.

– Подкову бесплатно и все деньги, что вы этому, – Лаи кивнул на перемазанного сажей парня. – Обещали.

– Идет! – согласился кузнец.

Спорщики пожали друг другу руки.

– Разбивай, Ярко, свидетелем будешь. – велел коваль.

Все формальности спора были окончены. Бородатый мужчина подвел Аргилая к склону, шедшему от кузни до пристани.

– Гляди малец, – указал он толстым пальцем. – Видишь там вдалеке три лодки у причала.

– Вижу... – медленно ответил Лаи, с ужасом осознавая весь масштаб неприятностей, в которые он сейчас вляпался из-за своего упрямства.

Три большие лодки, доверху нагруженные колотым углем, мерно покачивались на волнах. В обычную, сухую погоду у него еще может быть и был шанс выполнить уговор за пол дня. Но склон, по которому предстояло поднимать тяжелые бочки с углем, сейчас размыл дождь, будь он трижды неладен. Поверхность на склоне скользила и хлюпала под ногами, обещая ронять смельчака при каждом его шаге и в конечном итоге сломать шею.

– Ну, раз видишь, то вперед! – кузнец подтолкнул Аргилая к скользкому склону. – Ведра в лодках. Времени до заката.

На крыльце большого дома, стоящего на толстых высоких сваях в самой высокой точке села Мокрые Булки, в кресле-качалке сидел пожилой мужчина с пышными усами. Навес над крыльцом не позволял каплям дождя замочить обитателя дома и его пышные усы. Мужчина внимательно смотрел по сторонам и курил глиняную трубку с длинным мундштуком.

Рыжая женщина подошла к дому вежливо постучала кулаком, по перилам, ведущим на крыльцо.

– Меня зовут Трицитиана. – представилась она. – А это мой спутник – Совенок. В таверне говорят, у вас есть работа, уважаемый староста Ярош.

Мужчина с пышными усами затянулся ароматным табаком и задумчиво посмотрел на гостей.

– Говорят – кур доят, а коровы яйца несут. – насмешливо прохрипел он скрипучим голосом. – Работа может и есть. Да про вас ли она. Что ты умеешь, Трицитиана?

– Я мастерски решаю различные проблемы. – пояснила женщина и ловко крутанула над головой копые.

– Понятно, – проскрипел Ярош, выдыхая облачко дыма. – А парень?

– На подхвате. Вроде оруженосца.

– Вот как. – староста смачно сплюнул себе под ноги и нехотя поднялся с кресла. – Думаю, найдется для вас работа. Пойдемте.

Дождик временно прекратился, превратившись в легкую морось. Трица, Совенок и Ярош шли по деревне в сторону реки. Под ногами хлюпала грязь, и прыгали довольные погодой лягушки.

– Есть тут у нас господин один, – медленно рассказывал староста своим скрипучим голосом. – Приехал с неделю назад. Собирает поисковые отряды из пяти человек. Кого ищет и зачем – не ведаю, но платит серебром. Почти все мужики у нас записались. Но ентому господину все мало. Пришлых теперь нанимает. Сегодня, как раз двоих не хватило.

– Годится, – кивнула рыжая женщина. – Нам сейчас любая работа – хлеб.

– Поди, на паром собираете? – осведомился Ярош.

– На него, да.

Староста кивнул.

– Как и все. Вот, – он остановился и указал на сарай, под навесом которого на бревне сидело трое мужчин. – Пришли. Вы пока знакомьтесь, а я схожу, сообщу, что отряд готов выдвигаться.

– Я Трицитаана, это Совенок. – представила женщина себя и своего спутника, ныряя под навес, где было суше и уютнее.

На нее с любопытством глянуло три пары глаз. Вернее, две пары и еще один. Судя по всему, ей посчастливилось встретить таких же искателей приключений, как и она сама. Тех, кто живет дорогой и случайными заработками. Потертые кожаные куртки, из-под которых виднелись кольчуги, серьезные лица, покрытые следами былых сражений, холодные расчетливые глаза и неплохой набор оружия. Ну, или не посчастливилось, тут как посмотреть. Мало ли, что решат эти тертые жизнью господа, когда дело дойдет до дележа заработка.

– Я Прут. – представился мужчина с татуировкой в виде узора на лице. – Присаживайся, тут места хватит, и дождя нет. – предложил он и подвинулся.

Двое других воинов тоже подвинулись, но представляться не стали, ограничились кивками.

– Благодарю. – кивнула Трица, устраиваясь на бревне. – Известно кого ищем?

– Пока нет, – ответил Прут, почесывая грязными ногтями шею с уродливым шрамом, словно от петли. – Ждем указаний заказчика.

Дождь зарядил с новой силой, громко барабанил по навесу над головой. В паре мест навеса обнаружились дырки и оттуда, грязной струей стекала вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.